

СЕРГЕЙ СНЕГОВ
ХРОНОНАВИГАТОРЫ

SERGEY SNEGOV
CHRONONAVIGATORS

Сергей Александрович Снегов

Хрононавигаторы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=141316

Хрононавигаторы:

ISBN 978-5-6050127-1-9

Аннотация

На далекой планете Гаруна идет война. Все из-за того, что она находится во власти двух звезд, распространяющих свое излучение и разные временные потоки на всех ее обитателей. Жители отчаянно бьются за единственную реальную ценность – время. Земляне, оказавшиеся на планете в поисках истоков цивилизации, пытаются примирить враждующие стороны и спасти несчастную планету от гибели.

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	19
3	25
4	43
5	58
6	73
7	82
8	91
9	110
Часть вторая	116
1	116
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Сергей Снегов

Хрононавигаторы

© Т.С. Ленская

© Е.С. Ленская

© ИП Воробьёв В.А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

Часть первая

Космические пришельцы

1

День, когда юный дилон Уве Ланна получил первый государственный чин Сына Конструкторов Различий, был отмечен в его личной программе Судьбы еще двумя важными событиями. Кандидат в Сыновья Уве Ланна на рассвете животворящей звезды Гаруны Голубой, то есть в зените свирепой Гаруны Белой, явился в ратушу, чтобы предстать перед проникновенными зеркалами Отцов Экзаменаторов. И точно в этот миг ему передали приказ немедленно прибыть к Рина Ронне на собеседование. Уве Ланна, естественно, поспешил к руководителю своей недавно разработанной Программы Судьбы и даже порадовался, что экзамен на государственный чин немного отдалается.

Сын Стирателей Различий, выдающийся Брат Дешифратор Рина Ронна, ожидал своего ученика в лаборатории Дешифраторов, где ему принадлежал особый кабинет. Овальную комнату, накрытую теряющимся во тьме куполом, освещало мягкое сияние стен. На Ронне была светящаяся фиолетовая мантия, она мерцала в тех же красках, что и стены:

сын Стирателей Различий любил подходить при беседах то к одной, то к другой стене и, подравнивая свечение мантии к светоизлучению стен, вдруг как бы пропадать на их фоне. Впрочем, это была единственная причуда – даже Конструкторы Различий не концентрировали на ней своего внимания, хотя выискивать любые отличия от обыденности входило в их государственную задачу.

Уве Ланна уперся руками в пол, вытянул на удлиняющейся шее голову и опустил ее ниже груди: у него с Рина Ронной давно установились столь дружественные отношения, что приветствий почтительней этих уже не требовалось. Выпрямившись, Ланна залюбовался старшим товарищем. В кругу величавых и изящных Сынов Ронна был самым величественным и изящным. Правда, движение по иерархии ему затрудняла молодость – всего три полных перевоплощения с одной частичной сменой личности, – зато он брал энергией и расторопностью. И он знал о своей красоте и умел высветлить ее и позой, и освещением, и особенно ценным для Стирателей Различий искусством непринужденного обмена мыслями.

Сейчас он стоял посередине кабинета, высоко подняв голову на тонкой шее и почти дважды обвив свою талию левой рукой. Правую руку он вытянул навстречу входившему Ланне и, цепко ухватив ладонь ученика десятую гибкими пальцами, мягко повлек его к себе. Больше всего восхищало в Ронне – и не одного влюбленного в него Ланну – это высокое

мастерство рукопожатия. Он так плавно сокращал тянущую руку, так ласково подтягивал собеседника, что даже неуклюжий дилон не оступался, подходя к Ронну.

– Сядем на хвосты, – благожелательно протелепатировал Ронна в сознание ученика. – Беседа будет долгая.

И, выпростав из мантии свой хвост, Ронна упруго свернул его на конце в опорное колечко и откинулся назад. Он любил эту непринужденную позу полусидения-полустояния на хвосте, и Ланна последовал примеру учителя, но с осторожностью: ибо и сам был грузней телом, и хвост имел не такой массивный и крепкий. Ронна продолжал транслировать ученику свои мысли.

– Две новости, Ланна. Первая: тебе разрешено перевоплотиться с полной сменой личности. Ты, конечно, понимаешь, что и неполная смена личности столь же важное событие в жизни, как первая любовь. И даже важней, ибо любовь возникает произвольно, объект ее часто случаен и на нее, раз уж она возникла, воздействовать трудно. А в смене личности случайность исключена, ибо ты выбираешь себя именно таким, каким захочется быть, а не таким, какой ненароком подвернется, а именно это несовершенство характерно для любви. Впрочем, все это ты знаешь сам.

Уве Ланна – хотя еще ни разу не менял личности, а любовь, испытанная им, недавно трагически прервалась, – знал, конечно, все, о чем извещал старший друг. Но его страшило перевоплощение, хотя он и понимал, что оно открывает до-

рогу в высшие сферы. Он не стремился к возвышению, он был доволен собой, уже совершившимся. Он опасался, что Салана не узнает его в новом образе. Впрочем, Саланы не было, Салана похищена – и неизвестно, удастся ли ее вызволить. Все же Ланна осторожно осведомился, нельзя ли еще немного пожить в нынешнем образе.

Ронна отверг колебания ученика.

– Самое время, Ланна. Дальше медлить опасно. Разновременность в тебе угрожающе накапливается. Время, в котором функционирует мозг, уже ровно на полтора годовых оборота Гаруны Голубой опережает время твоего туловища. Неужели ты сам не чувствуешь, что перестаешь свободно командовать своими руками, своими ногами, своим хвостом? Анализаторы установили, что сытость наступает в тебе с таким запозданием, что ты способен съесть в полтора раза больше, чем нужно. И ты это часто делаешь; ты молод, но уже отяжелел. Нет, дорогой Ланна, пора, пора тебе синхронизироваться! И к тому же я не затрагиваю возможности резонансного нападения проклятых рангунов. А если они снова потрясут нашу прекрасную Дилону? Сколько уже погибло дилонов от разрыва времени в их телах, к моменту атаки наших врагов уже пораженных внутренним рассогласованием!

Все эти неотвергаемые мысли Ронна неторопливо внедрил в сознание Ланны – и тот понял, что сопротивление бесполезно. Ронна ласково освещал ученика оранжевым сиянием выпуклых глаз и переливчатым мерцанием мантии свечение

стен лишь дополняло лучистую убедительность облика. Рина Ронна, Сын Стирателей Различий, упруго покачивался на хвосте, его вытянутое лицо улыбалось, он обнажил все сорок зубов верхней челюсти – никто так обаятельно не приподнимал мохнатой губы, как Ронна, эти одним он располагал к себе даже противников. Негромкий визг, вырывавшийся из пасти при телепатировании, тоже придавал мыслям вескости.

Уве Ланна только попросил, чтобы новый облик не потребовал больших изменений: он не хотел бы слишком отличаться от прежнего своего образа. Рина Ронна широко распахнул рот и громко пристукнул нижней челюстью о верхнюю – знак уважительного согласия. Во всех своих поступках, даже в момент трудных споров, Рина Ронна оставался изощренно вежливым.

– Правильное настояние, – промыслил он. – Ни один из вещей Стирателей Различий не воспротивится твоему желанию, это я тебе гарантирую как их уполномоченный и верный Сын. Задача лишь в том, чтобы синхронизировать течение времени в клетках твоего мозга, в которых оно несколько убыстрилось, с течением времени в остальных клетках тела, в которых оно замедлилось. Ибо в твоём прекрасном сознании господствует благотворное влияние нашей великолепной Гаруны Голубой, а в остальном теле, к сожалению, пересиливает энергетическое поле Гаруны Белой. Должен признаться, что мы немного удивлены: у большинства дилонов,

так свидетельствует статистика, благотворное действие Голубой звезды гораздо эффективней влияния Гаруны Белой, а у тебя наоборот.

– Разве я виноват в том? – возразил Ланна.

– Не виноват, – великодушно установил старший друг. – Это не твоя вина, а твоя беда. Как ты предпочитаешь синхронизироваться? Сменишь туловище или сознание? Я подобрал по картотеке десяток дилонов, у которых рассогласование времен противоположно твоему, то есть сознание замедлено сравнительно с физиологией. Все они нуждаются в перевоплощении. У тебя выбор: либо принять новую голову с замедленной мыслью, либо согласиться на новое тело с убыстренной физиологией.

– Я бы хотел сохранить свой мозг.

– Хвалю! Решение истинного звездопоклонника Гаруны Голубой. Теперь выбирай, кто больше нравится для перевоплощения.

На стене вспыхнули фигуры дилонов, подготовленных к перевоплощению. Увэ Ланна всматривался в них с унынием – ни один ему не нравился. Он выискивал похожего на себя, но похожих не было: один отвращал несообразным носом, у другого слишком торчали уши, у третьего так шерился рот, словно он вот-вот готовился укусить, и почти у всех хвосты были либо безобразно мясисты, либо еще более безобразно худы. Только руки у претендентов выглядели прилично, но – Ланна это хорошо знал – внешняя приличность недоста-

точно, ибо руки свободно должны удлиняться и сокращаться втрое, а с какой легкостью они у претендентов удлиняются и сокращаются, по рисунку не определить.

Наконец Уве Ланна ткнул пальцем в молодого дилона, показавшегося наиболее похожим на него самого. Рина Ронна одобрил выбор.

– Номер шестьдесят третий. Мат Магон. Отличный экземпляр кандидата в Конструкторы Различий. Теперь вам остается познакомиться и понравиться друг другу. Право выбора мы предоставили тебе, но и Мат Магон должен согласиться на обмен телами. Встречу организуем после экзамена. Теперь можешь идти в ратушу на экзамен.

– Ты говорил о двух важных событиях, – напомнил Ланна. – Какое же второе?

– Второе событие? Ах, да! Второе событие, собственно, касается не твоей личности, а будущей твоей профессии, если ты хорошо сдашь экзамены, в чем я, впрочем, не сомневаюсь. Итак, слушай меня, Ланна.

И Сын Стирателей Различий, Брат Дешифратора Рина Ронна поведал кандидату в Сыны Конструкторов Различий юному Уве Ланне, еще не прошедшему ни одного перевоплощения, о воистину удивительном новом происшествии в их звездном мире. Из недр Вселенной вдруг вынесся неведомый материальный объект – идеально выглаженный эллипсоид. И не приблизился издали, а сразу возник вблизи, как бы вынырнув из разверзшихся люков иного мира. И, возник-

нув, помчался к двойной звезде. Сперва облетел на отдалении обе Гаруны, потом унесся к Гаруне Белой и трижды описал вокруг нее очень близкое кольцо. Немедленно после этого тройного облета устремился к Гаруне Голубой и повторил такой же тройной облет на таком же приближении ко второй звезде. Вот главная, но не последняя странность!

– Это не странность, а невозможность! – мысленно воскликнул взволнованный Ланна. – Ведь переброс из прямого времени Гаруны Голубой в обратное время Гаруны Белой равносителен мгновенному уничтожению. Именно от такого разрыва своего времени и погибла та планета, осколки которой кружат возле Дилоны. Но ведь взрыва эллипсоида не произошло, я так тебя понял, Ронна?

Рина Ронна засмеялся, распахнув рот и чуть ли не до середины шеи опустив нижнюю челюсть, красиво очерченную двумя рядами голубых зубов. Рина Ронна гордился сообразительностью младшего друга.

– Для будущего Конструктора Различий – неплохо, Ланна! Ты сразу указал на главный парадокс. Да, последовательно облетел обе Гаруны – и так близко от каждой, что могучее поле времени обеих звезд не могло не пронизать его. И если допустить, что собственное время космического незнакомца полностью совпадало с хронопolem Гаруны Белой и потому в первом полете никакого внешнего эффекта не наблюдалось, то переброс в хронопole Гаруны Голубой должен был вызвать мгновенную аннигиляцию – ты абсолютно прав.

Но катастрофы не произошло: незнакомец трижды обогнул голубую звезду – и только отразил на своих зеркальных боках ее спектр. Фантастично до физической недопустимости! Но факт, приходится это принять. Какой сделаем вывод из реальности невозможного явления?

– Не могу сообразить, – признался смущенный Ланна.

– Что же, ты специализируешься на Конструктора Различий – анализ возможности невозможного даже хорошему Различнику не всегда доступен. Но нам, Стирателям Различий, приходится решать и не такие парадоксы. Наш вывод таков: таинственный незнакомец обладает собственной хронозащитой. Он умеет парировать возмущения хронополей. Резкие повороты физического времени лишь обтекают, а не проникают в него. В общем, ни хроновороты, ни хроноциклоны на него не действуют. В нашем мире не существует объектов с такой совершенной нейтрализацией полей времени, но кто гарантирует, что в иных звездных мирах физические законы такие же, как у нас? Незнакомец, по всему, пришелец из других миров.

Логика в рассуждениях Рина Ронны была убедительна, но Уве Ланна запротестовал. Как? Существовать во времени и быть защищенным от его скачков? Спокойно нестись то в прямом, то в обратном хронополе, хотя каждый объект может двигаться либо только вперед, в будущее, либо только назад, в прошлое. Никто и ничто не перемещается одновременно и в прошлое и в будущее, его мигом разнесет

на атомы! И вот Рина Ронна, крупнейший Стиратель Различий, хладнокровно утверждает, что именно этим немислимым свойством – сразу шествовать и вперед и назад – характеризуется пришелец из иных миров!

– И это еще не все, Уве Ланна, – продолжал Стиратель Различий. Незнакомец, прочертив два тройных кольца вокруг обеих Гарун, изменил направление полета. Он не собирается обречь себя на вечное спутничество в системе двойной звезды. Он легко преодолел притяжение обеих Гарун, что тоже удивительно, ибо свидетельствует о его чудовищной энергетической мощи, и теперь мчится на Дилону. Он намерен опуститься на нашу планету. Вот такая ситуация, друг мой Уве Ланна.

– И ты мыслишь об этом спокойно! Опасного гостя надо отбросить от Дилоны! Пусть проваливается в бездну, из которой возник!

Ронна смеялся с мелодичным визгом, со всхлипами в горле. При смехе его оранжевые глаза задорно вспыхивали, сияние их освещало не только собственное лицо, но и лицо собеседника.

– Отбросить пришельца, легко нейтрализующего и гравитацию двух звезд, и мощь их хронополей? Даже если мы аннигилируем всю Дилону, у нас не хватит энергии для этого. Возможно, рангуны ударят по незнакомцу из своих резонансных орудий – у этих бессмертных бестий хватит безумия, чтобы пойти на это. Чего им бояться? Но мы смертны,

нас не всегда спасают даже перевоплощения. И мы не нападаем, только защищаемся от нападений. Нет, если незнакомец опустится на нашей половине планеты, мы встретим его приветом и почетом. Еще одно важное обстоятельство, Ланна, и оно касается нас с тобой. Анализаторы уловили генерируемое незнакомцем излучение. Возможно, он посылает нам сигналы, передает какую-то информацию – и мы должны в ней разобраться.

– Рангуны тоже принимают сигналы пришельца.

– Конечно. Но вряд ли поймут их, эта задача не для их интеллекта. Так вот, Ланна, Старейшины поручили мне расшифровать сигналы незнакомца. Я попросил помощника, мой помощник – ты, Уве Ланна.

– Готов немедленно!..

– Раньше сдай экзамены на Сына Конструкторов Различий. Иди!

Уве Ланна возвращался в Ратушу без поспешности, какую показал, отправляясь в лабораторию Дешифраторов. Слишком уж необычны были известия, надо о каждом поразмыслить. Он начал с предстоящего перевоплощения, чтобы уже потом переходить к другим новостям. Перевоплощение – операция неприятная, но без нее не обойтись, если не хочешь преждевременной гибели от разрыва времени в теле. К тому же ему повезло, Рина Ронна избавил его от полной смены личности, а сколько по Дилоне слоняется несчастных, многократно терявших самих себя! Ланна припомнил пре-

красную фигуру Мат Магона, с которым предстоит поменяться телами, и повеселел. Мат Магон, пожалуй, даже красивей, чем Уве Ланна. Светлая голова Уве в сочетании с совершенным телом Магона – это же отличнейшая комбинация! Салане, когда она отыщется, понравится его новый образ. И Мат Магону не будет резона уклоняться от обмена телами – он получит, правда, фигуру похуже, зато с добротным течением внутреннего времени, и так идеально синхронизирует голову и тело, как вряд ли сумел бы с дилонами покрасивей.

Закончив на этой бодрой мысли размышление о предстоящем перевоплощении, Уве Ланна собрался сосредоточиться на второй новости появления в их звездных окрестностях объекта, столь удивительно нарушающего законы материального мира. Но воспоминание о Салане порвало цепь размышлений. Уве Ланна увидел подругу, как если бы она шла рядом с ним: почти одного с ним роста, только гибче и тоньше, прекрасные руки дважды обвивают талию – она любит так шествовать, вся как бы спеленутая собственными руками. А на плечи вздымается хвост, и кончик его изящной лентой окольцовывает шею. Его, Уве, порой охватывал испуг, не удушит ли она себя этой лентой. Салане нравились опасения друга, она признавалась: «Самое приятное в тебе, Ланна, что ты так заботишься обо мне. Рядом с тобой я как в бронированном подвале, экранирующем от резонансных атак мерзких рангунов». Нет, не удалось ему позаботиться о

подруге в единственную грозную минуту ее жизни. Где она? Что с ней? Жива или погибла? Неужели эта разлука уже навеки?

Воспоминание о Салане так разволновало Уве Ланну, что он не сумел сосредоточиться на новости о пришельце из иных миров. Он со стыдом вспомнил, что неумение сконцентрироваться на нужной мысли – тяжкий интеллектуальный проступок и что никогда раньше за ним не числилось таких прегрешений. Он испугался за себя. Все дилоны, встречавшиеся ему по дороге в ратушу, могли воспринять его мозговую эманацию. И тогда они поймут, что он проваливается на простейшей интеллектуальной операции. И когда? Перед экзаменом на чин Сына Конструкторов Различий! А кому не известно, что первой обязанностью любого Различника является способность всем в себе концентрироваться на нужной мысли?

По улице к Ратуше двигалось много дилонов. Кто просто шел, кто торопливо обгонял других, кто даже бежал, а кто-то неспешно шествовал, опустив голову – полностью отдаваясь неотложному размышлению. Вокруг Ланны вспыхивали фиолетовые, красные, зеленые мантии, метались сокращаемые и удлиняемые при ходьбе руки, по-парадному распушивались и деловито сжимались хвосты. Кто-то на ходу взвизгивал, звучно аккомпанируя своей мысли, кто-то хрипло рычал. А вверху мягко сияла нежная Гаруна Голубая, сменившая в зеленоватом небе двинувшуюся на закат Гаруну

Белую. День переходил в сумерки – обычный день столицы, точно такой был вчера и такой должен быть завтра.

Впоследствии, вспоминая то впечатление обычности дня, юный Ланна, всегда гордившийся своей проницательностью, запоздало удивлялся, до чего непророческим было его понимание обстановки. Ибо день, когда он, встревоженный новостями, шагал на экзамен, воистину был последним днем обычности на прекрасной планете Дилоне.

Только встреча со Старейшиной Старейшин, с великим Стирателем Различий Гуннаром Гунной разительно выпала из обычности. Когда Уве Ланна приблизился к Ратуше, у входа опустился летательный шар Старейшин, из шара первыми выбрались два охранника, за ними и сам Вещий Старец.

Ланна поспешно отошел в сторонку, чтобы не помешать Верховному Стирателю Различий прошеествовать в Ратушу. То же сделали и другие дилоны, подходившие к правительственному зданию. Великий Гуннар Гунна прошел, ни на кого не глядя, никому не отвечая на приветствия, ни с кем не перекинувшись одной-двумя глубокими мыслями. Соскользнувшая с зенита Гаруна Голубая светила на высочайшего мыслителя страны, он не мог не радоваться ее ласковому сиянию, а он не радовался, он был чем-то удручен. И такая печаль на его широком лице, что у Ланны пронзило болью сердце.

2

Уве Ланне достаточно было одного взгляда на Рина Ронну, чтобы понять, что у Дешифраторов дела неважны. Только высокая воспитанность не позволила Ронне сразу сконцентрировать внимание друга на собственных затруднениях. Ронна душевно поздравил Ланну со вступлением в государственную иерархию.

– Ты теперь полноправный Сын Различник, Ланна. Я узнал в коллегии Экзаменаторов, что давно не фиксировалось столь блестящего ответа. Проникновенные зеркала не обнаружили ни одной проплешины на плодотворном поле твоих знаний. Теперь можно приступать к перевоплощению. Синхронизация физиологии и интеллекта превращается теперь из просто желательной в срочно необходимую.

Ланна не пожелал концентрироваться на перевоплощении, это была операция неизбежная, но не захватывавшая ум. Поведение космического незнакомца гораздо больше занимало его мысли. Ронна помрачнел. Даже оранжевое сияние его выпуклых глаз приугасло, обе челюсти плотно сжались, а голова на утолстившейся шее опустилась так низко, что почти упала на плечи. Все это были признаки великого недоумения. Нет, чего-либо определенного не установлено. Пришелец вращается вокруг Дилоны, с векторной прямолинейностью направляя излучение на те места на планете, ка-

кие находятся в этот миг под ним. Возможно, выбирает место посадки.

– Ты предполагал, что незнакомец генерирует информационные сигналы?

– Да, такое предположение было. И оно остается. В луче, ощупывающем Дилону, уловлены колебания с постоянной периодичностью. Естественно предположить, что это речь пришельца к нам. Вероятно, запрашивает разрешения на посадку – повторяющуюся группу обертонов можно расценить как некую электромагнитную просьбу. Но этого мало для расшифровки. Мы не знаем, как кодировать наш ответ. Поэтому сосредоточились на приеме сигналов – и в ответ молчим.

– И рангуны молчат, Ронна?

Ронна распахнул рот в насмешливой улыбке и широким извивом правой руки обхватил свою грудь – он любил эту красивую позу, выражающую сразу и суровое осуждение, и издевку. Рангуны не молчат. Рангуны беснуются. Они оказывают незнакомца пучками волн. Они сами не знают, чего хотят. Они обращаются к пришельцу на своем языке, которого тот, разумеется, не знает. Рангуны не умеют сосредоточиться, они действуют, а не мыслят. И хотя командует их передачами пленный дилон, наш бывший друг Кун Канна, они не дают ему передавать пристойно. И что же они генерируют гостю из иных миров? Вот передача во время его первого облета их стороны планеты: «Кто ты? Чего тебе надо?» Вто-

рая: «Добро пожаловать! Предлагаем три отличных места для посадки». Третья: «Чего слоняешься? Садись или проваливай!» И последняя, она уже трижды повторялась: «Вот пошатайся еще над нами, так жажнем изо всех орудий, что разлетишься на атомы!» В общем, обычное рангунское хамство – они не изменяют себе, даже встречаясь с непостижимым явлением. Датчики передают, что по всей Рангунии объявлена боевая готовность. У больших резонаторов полные комплекты обслуги, о малых и говорить не приходится, они навешаны на каждом воине рангунов.

– Если столкновения с незнакомцем у них не произойдет, они могут обратить большие резонаторы и против нас. Ты не исключаешь такой возможности, Рина?

– От рангунов всего можно ожидать. Особенно с того дня, когда Ватута захватил верховную власть. Эта бестия ради одного любопытства способен испепелить всю Дилону. Но мы защищены надежней, чем ему хотелось бы. В конструировании хронобойных аппаратов он все же далеко не продвинулся. Теперь пройдем в Обсервационный зал, посмотрим на пришельца.

Все помещения Коллегии Дешифраторов были заполнены аппаратами приема и декодирования сигналов. Одни механизмы работали автоматически, у других дежурили операторы-мыслители. Недавно и Уве Ланна сидел за одним из таких аппаратов в качестве дежурного мыслителя и по перехваченным передачам с той стороны планеты выстраивал умоза-

ключения о намерениях рангунов. Теперь, произведенный в более высокий чин, он мог позабыть о скучном рядовом мыслительстве. Уже никогда ему не вдумываться в неумные высказывания Ватуты и его камарильи, не выискивать рациональный смысл в их бессвязных выкриках.

Но хоть со службой у аппаратов было покончено, Уве Ланна не мог отказать себе в удовольствии подойти то к одному, то к другому щиту с приборами, поздороваться с операторами. Он радовался встречам, радовались и ему. «Доброго настроения! Поздравляем, Ланна! Будь светел, Ланна!» телепатировали прежние товарищи. Ронна поминутно останавливался, поджидая друга, – ему нравилась популярность у трудяг Дешифраторов нового специалиста Различника.

В Обсервационном зале во всю стену сияло звездами небо над планетой. В правом углу небосвода перемещалась Гаруна Белая – был ее рассвет, экран притушивал яростное излучение звезды, чтобы не слепило глаза. В левом углу нежно мерцала уходящая за горизонт Гаруна Голубая. Ронна сказал:

– Сейчас покажется пришелец.

Пришелец вынырнул из левого угла и помчался по экрану навстречу медленно плывущей по небосводу звезде. Он пересекал видимую половину неба вдесятеро быстрее, чем двигались обе Гаруны. Ланна впился глазами в экран. Темный, гладкий, непроницаемый эллипсоид был огромен. Такое тело свободно накрыло бы любую площадь в столице.

– Думаю, мы имеем дело с космическим кораблем из иных миров, а не с естественным телом, – высказался Ланна. – Вы не рассматривали такое предположение, Ронна?

– Рассматривали, Ланна. Много «за» и много «против».

Пробежав треть небосвода, эллипсоид вдруг остановился. Теперь он висел над планетой, а не летел вокруг нее. Он затормозил над какой-то облюбованной точкой. Планета, вращаясь, перемещала замершего в высоте незнакомца в сторону, обратную той, откуда он вынырнул. Так продолжалось некоторое время, затем эллипсоид снова пришел в движение, но он уже не облетал планету, а падал на нее – в ту точку на Дилоне, над которой завис.

– Садится, – установил Ронна. – Информировать тебя, Ланна, что Старейшины приказали не мешать посадке, если пришелец решится на нее. Проклятые рангуны! Нет на этих дьяволов кары!

Возмущение Ронны вызвала вылетевшая из-за горизонта ракета. Сверкающая белокалильным жаром, распушив дымный шлейф, она мчалась на опускавшегося незнакомца. Ракета была запущена точно в подбрюшье массивного космического тела. Ланна в страхе прикрыл глаза. Все было безобразно ясно: рангуны не захотели пустить пришельца на территорию дилонов. Вот сейчас ракета ударит в цель, вспыхнет багровое облако пламени с дымом – и из облака посыплются осколки небесного гостя!

Ланна раскрыл глаза. Взрыва не было. Ракеты тоже не бы-

ло. Пришелец продолжал опускаться. Где-то за ним, уже в отдалении, рассеивалось облачко пыли и красноватого газа.

– Какая защита! Нет, какая защита! – взволнованно повторял Ронна. Он не закрывал глаз и видел, как ракета, еще не долетев до цели, вдруг сама взорвалась и разлетелась пылью и газом. – Ланна, друг мой, неужели безумцы и теперь не уgomонятся?

Из-за горизонта вынеслась уже не одна, а десяток ракет. И все, не долетев до пришельца, одновременно взорвались, образовав широкое кольцо пламени и дыма. В свободном центре этого кольца плавно опускался темный пришелец – гладкие бока мертво отражали оконтурившее их пламя. Обстрел прекратился. Рангуны, видимо, убедились, что атаки бесперспективны.

– Опустился в район Голубой Чащи, – сообщил Ронна. – Место, конечно, укрытое, внешне оно кажется очень надежным. Но слишком близко от мертвых лесов, где свирепствует хронобой. Хорошо, что не угодил в разнотык времен, – это было бы губительней ракетной атаки рангунов. Оставайся здесь и следи, что предпримет пришелец. Я иду к Старейшинам.

Что бы ни представлял собой пришелец из дальних миров – космический корабль с экипажем, или естественный объект – одно твердо знал молодой Конструктор Различий Уве Ланна: еще никогда ни у самих дилонов, ни у их вековечных врагов рангунов не появлялось такого гостя из космоса. И готовой программы контакта с подобными объектами не существовало. Возникла новая проблема, на ней надо было сосредоточиться. Уве Ланна впал в отрешенность: закрыл глаза, отменил все движения тела и, окаменев перед пультом, пребывал в активном мыслительном состоянии, пока опасно понизившаяся температура тела не принудила выходить на уровень меньшей концентрации мысли: все дилоны знали, что сильное охлаждение тела плохо сочетается с озарением.

– Доложите, что совершилось, пока я размышлял, – потребовал Ланна от оператора.

Дежурный мыслитель доложил, что новостей нет: пришелец покоится в Голубой Чаще – неподвижен, темен и загадочен. Туда посланы разведочные шары, они анализируют параметры гостя: размеры, температуру, структуру вещества, гравитационные, энергетические, оптические характеристики, фиксируют все виды излучения. Ничто особо не поражает. Физика пришельца своеобразна, но не парадоксальна, если оставить в стороне тот факт, что он вынырнул как бы

из ничего и взорвал все выпущенные в него боевые ракеты рангунов, даже близко не подпустив эти смертоносные снаряды. Да еще, пожалуй, одно смущает, но, впрочем, нет точного доказательства...

– Знаю, – прервал оператора Ланна. – Незнакомец существует в едином времени. Он синхронизирован от края до края. Ты на это хотел обратить мое внимание? Я установил это в результате собственного размышления.

– Именно это, уважаемый Различник. – Оператор вложил в тембр своей мысли неподдельное восхищение. Все операторы в Коллегии Дешифраторов радовались, что их новый начальник одарен могучей интеллектуальной энергией – в ней была гарантия их собственной удачной работы.

Ланна уточнил:

– Судя по тому, что ты мне об этом не доложил, расшифровка сигналов незнакомца не удалась?

– Еще не удалась.

– А есть уверенность, что эманация незнакомца – все же разумные сигналы, а не стихийное излучение мертвого предмета?

– Такая уверенность есть, Уве Ланна.

– Тогда подготовь два поисковых шара со всеми аппаратами боя и разведки. Пусть Братья Опровергатели выделяют самое совершенное из арсеналов. Ибо при встрече с незнакомцем и война, и мир пока равноценно возможны.

– Братья Опровергатели потребуют санкции Старей-

шин...

– Они ее получают. Остановка не за санкциями, а за Опровергателями.

Дежурный мыслитель отключился. Ланна обхватил себя руками и постарался удлинить их так, чтобы получилось два полных извива, как делал Ронна. Но два извива не вышло – у Ронны руки были длинней и гибче. Впрочем, все Стиратели Различий были из длинноруких, а Конструкторы Различий, все как на подбор, короткорукие – больше, чем на полуторный обхват, рук ни у одного не хватало. Ланна мог гордиться, что в эффектном самоохвате даже превосходит многих товарищей, – ныне он может именовать их, получив сан Сына Различников, своими собратьями.

Уве Ланна гордился собой. Концентрирование мысли на загадках пришельца дало отличные результаты. Он первый понял, что гость из космоса – современник. Только полная самосинхронизация в едином времени объясняет главную странность – то, что пришелец приблизился на опасное расстояние к Гаруне Белой, промчался от нее к Гаруне Голубой и не взорвался, не распался – даже и намека не было, что в нем что-то разламывается. Какая совершенная хронозащита! Рина Ронна прав: без надежной отстраненности от местных перекосов времени, без нейтрализации хроноворотов незнакомцу не удалось бы удивительные перебросы от одной звезды к другой. Но и самая совершенная нейтрализация вихрей времени не помогла бы, если бы он сам хоть в

крохотной степени был поражен внутренней дисгармонией, какая всегда есть даже у идеально синхронизированного дилона. И это замечательное открытие стало первой интеллектуальной акцией Уве Ланна в его новом чине Различника!

Вошел сияющий Рина Ронна. Старейшины одобрили его доклад. Если пришелец – разумный космический объект или если в нем как в транспортном аппарате таятся разумные существа, то надо вступить в благожелательный контакт. Первая задача – раскодировать сигналы пришельца. Вторая – защитить его от новых атак рангунов. На той стороне планеты подготавливают баллистическую артиллерию. Нет сомнения, что рангуны решили нанести удар по пришельцу, как только определят точное место его посадки. Два чужих разведочных аппарата обнаружены недалеко от Голубой Роци – их отогнали. Рангунам послано предупреждение, что пришелец взят под охрану дилонов. Будем надеяться, что это их образумит.

– Пустить в ход ракеты рангуны теперь побоятся, ибо знают силу ответного удара, – заметил Ланна. – Но генераторы резонанса, Ронна...

Ронна откинул назад голову – это у него всегда означало не то сомнение, не то нерешительность. «А что мы можем сделать?» – как бы ответил он своим жестом. Впрочем, он тут же добавил, что пришелец так защищен от гравитационных, тепловых и электромагнитных воздействий, что и резонансным нападением рангуны вряд ли чего добьются.

Уве Ланна поведал другу о своем открытии абсолютного хроноединства пришельца: это не хронозащита, а хроноцелостность. Рина Ронна всегда относился к ученику с неизменным уважением, продвижение Уве на пост Различника не обошлось и без его усилий. Но в отличие от дежурного оператора он заколебался. О том, что пришелец защищен хроноэкранами, говорило его рискованное метание от Гаруны Белой к Гаруне Голубой, а ведь звезды генерируют вокруг себя противоположные токи времени, схлестывающиеся в яростные хроновороты. Правда, таких экранов на Дилоне еще не знали, их никто не конструировал, да и загадочный пришелец появился у них впервые, о «гостях из иномиров» тоже никто не слышал. Но единое время? Разве оно физически возможно? Ведь основу жизни составляет именно несинхронность различных потоков времени в жилах, костях и клетках? Цельное время у мыслящего объекта – ну, не дикость ли?

– Я все же настаиваю на своей концепции. – Уве Ланна был порядком обижен слишком уж резким возражением старшего друга. – И осмелюсь заметить, что разумность пришельца не доказана, пока не расшифрованы его сигналы.

– Да, в этом главное затруднение. Хочу тебя информировать, Уве Ланна, что нам выделен ротонный прожектор, который, как ты знаешь, изготовлен пока в единственном экземпляре. Сейчас его монтируют на одном из поисковых шаров, которые ты велел подготовить. Полетим вместе, Ланна.

– Я готов, Рина Ронна.

Два разведочных шара покачивались на площади. В одном сидели операторы гравитационной и резонансной защиты, оптики и механики, в другом разместился ротонный проектор. Ронна сел за пульт управления – он любил водить аэроразведчики и иногда залетал на них даже на территорию рангунов, а это всегда небезопасно. Однажды он побывал в приполюсном хроновороте, что было почти губительно – Ронна потом оправдывался, что его занесла на полюс разгармонизация двигателя и что он лишь на внешнем витке хроноворота сумел справиться с неполадкой. Объяснение показалось не только убедительным – лишь безумцы способны добровольно устремиться в такие места, – но и внушающим уважение: не впасть в панику вблизи хроноворота и, сохранив ясность мысли, справиться с непростой неполадкой! После этого происшествия Рина Ронну, тогда обычному оператору в дешифраторской, присвоили сразу два новых чина: Брата Дешифратора и Сына Стирателей Различий. Каждый означал почет, но два, да еще столь несхожих, – были равносильны триумфу. Сам Гуннар Гунна почтил Ронну вдохновенной речью: «Наш новый Брат и Сын, – так говорил Вещий Старец, – не только прекрасно видит и глубоко оценивает непорядок, что доказывает дарование Дешифратора, но еще прекрасней ликвидирует непорядок, а это бесценное качество настоящего Стирателя Различий». Старейшины без единого возражения присудили соискателю оба звания и ввели его

сразу в два чина – случай неординарный.

И, гордясь своим искусством шаровождения, Рина Ронна дал такое расширение объема, что шар не взлетел, а взвился в высоту. Уве Ланна в эту минуту впадал в очередную отрешенность: надо было вымыслить, какими полями лучше испытать пришельца – гравитацией, оптикой, электромагнитными или корпускулярными импульсами, а без большой сосредоточенности это не удавалось.

– Ты порвал цепь моей мысли, – пожаловался Ланна.

– Зато быстрее прибудем, – возразил Ронна. Он не умел так глубоко отдаваться мысли, как Ланна, да и не считал, что всегда нужно настолько погружаться в размышления. Впрочем, таковы все Стиратели Различий: их способности к анализу существенно уступали аналитическому дарованию Различников, умевших безошибочно определять любые несходства и особенности.

Ронна летел впереди с Ланной и оператором ротонного прожектора, второй разведчик с боевыми и поисковыми аппаратами держался позади.

Пришелец покоился на краю поляны среди голубых деревьев с широкими кронами, перекрывавшими половину поляны. Гость из космоса выбрал отличное место для посадки: сквозь чащу к нему не пробраться, а с воздуха его маскировали кроны.

– Облет! – приказал Ронна и опустился ниже, ту же операцию повторил и второй шар. Пришелец был около двухсот

пин в длину, около тридцати в ширину и высоту в центре и не более двадцати по краям: почти идеальный эллипсоид, несомненно – искусственное сооружение, а не метеорит или космический шатун, осколок некогда разлетевшейся планеты, – стихийные создания природы не обладают совершенной выглаженностью поверхности.

Ланна вдруг схватил друга за плечо.

– Ронна, он исчезает! Он уходит в небытие.

Пришелец стирался – становился из темного серым, пропадала четкость обводов, зеркальная гладкость поверхности. Огромное материальное тело на глазах превращалось в призрак. И не успел Ронна оправиться от изумления, как на поляне больше ничего не было, кроме оранжевых трав и осенявших их голубых крон.

– Твое суждение, Ланна? – Молодому другу после вступления в чин Конструкторов Различий по праву принадлежала первая оценка.

Ланне захотелось поразмыслить, чтобы дойти до всех дальних причин исчезновения пришельца, но Ронна с таким нетерпением ждал ответа, что пришлось телепатировать лишь предположение:

– Выпал из оптики, но вещественно сохраняется на поляне.

– Сейчас проверим.

Ронна отдал приказ поисковику обвести поляну, где находился пропавший пришелец, гравитационными и электро-

магнитными щупами. С поисковика известили, что для электромагнитных щупов пришельца не существует, но гравитационные показывают его наличие: он лежит на прежнем месте, в прежней неподвижности, только стал прозрачным для всех электромагнитных волн, включая и оптику. Но вещественности своей не потерял.

– Между прочим, примята им трава так и не распрямилась, когда он ушел в невидимость, – поделился наблюдением Ланна. – Следовательно, и в оптике кое-что от него видно.

– Вот-вот – полное совершенство в маскировке отсутствует. Теперь поинтересуемся, что находится внутри нашего гостя. Есть у него экран от ротонов? Судя по тому, что гравитационные экраны отсутствуют, вряд ли он обладает защитой от этих почти невещественных частиц.

Ронна встал рядом с ротонным оператором, командуя расходом энергии на возбуждение потока частиц. Длина пути ротонов определялась только их энергией, и Ронна начал с малой, чтобы ротонны только-только достигли поверхности невидимого пришельца. На экране отчетливо вырисовался его силуэт. Ротонны показывали массивное тело, изображение было ярче, чем гравитационное. Ронна увеличил энергию частиц. Теперь они проникали сквозь оболочку и высвечивали внутренность. Сомнений больше не было. На поляне в Голубой Роще лежал космический корабль. Ротонны высветили внутренние помещения, разобщенные перегородками, механизмы, аппараты, ящики, тюки. Ронна то увеличивал,

то уменьшал энергию, чтобы отчетливо обрисовать каждый предмет. Корабль казался необитаемым. Ротонный луч пробежал уже половину его, но, кроме мертвых вещей, ничего не обнаружил в помещениях. Потом высветился обширный отсек в конце корабля. В нем передвигалось пять фигур – живые существа, а не автоматы. Еще никогда на Дилоне не видели созданий столь необычных, как те пятеро, что снова-таки по самому большому помещению корабля.

Они походили на дилонов, но очень отдаленно – одноголовые, двурукие, двуногие... Но на этом сходство кончалось. Руки были так коротки, что не достигали и колен; на кистях виднелось пять пальцев, а не десять, как у дилонов, и пальцы были толсты и негибки. Негибкой была и вся рука, она не удлинялась и не сокращалась – такими руками незнакомцы не могли даже в один оборот обхватывать себя. Ноги были еще топорней рук – правда, как и руки, могли сгибаться посередине, но только в одном месте, а не по всей длине. Всего примитивней была голова: она тоже сидела на шее, но такой короткой и такой негибкой, что ни вздыматься вверх, ни даже поворачиваться назад не могла. Лицо было неприятным: плоскощекое, плосколобое, с невыразительным ртом, с крупным носом, нависающим над губами и двумя глазами, – такими тусклыми, что сразу понималось – эти глаза пассивно принимают внешний свет, но генерировать собственное сияние не способны. А на головах пяти обитателей корабля шапкой лохматились волосы, охватывая всю голову, ни у ко-

го не было и намека на благородную гололобость дилонов. У одного густая шерсть вылезала даже по нижней половине лица. И ни один не имел хвоста – важнейшего элемента хорошо скомпонованной фигуры!

– Плох конструктор, который разрабатывал эти тела, – установил Ронна. – Одни грубые детали – ни гибкости, ни изящества. Даже смотреть неприятно.

И хоть суждение это было скорей обобщенно-синтетическое, а не аналитическое, Уве Ланна, по профессии призванный к анализу, промолчал, показывая, что принимает оценку Стирателя Различий.

Ронна начал детальное высвечивание экипажа корабля с самого лохматого. Этот был крупней и выше всех. Он сидел на особом приспособлении. Над ним, на стене, висело изображение другого мохнатолицевого, но еще лохматей и крупноголовой – оба были схожи, как братья. Около мохнача на таком же приспособлении сидело второе существо с фигурой потоньше и головой поменьше. По помещению расхаживал третий, он казался всех моложе. Этот размахивал руками, шевелил губами, раскрывал и прикрывал рот – в пасти виднелись зубы, они выстраивались по одному ряду сверху и снизу, и их было много меньше, чем у дилонов. У стены стоял толстенький коротышка, на полную голову ниже мохнатого. И когда юноша переставал шевелить губами и двигать нижней челюстью, точно такие же операции проделывал коротышка; а когда и он прекращал игру губ и челюстей,

в нее снова вступал молодой. Всю боковую стену занимал экран, перед ним на вращающемся сидении поместился пятый обитатель корабля – и на нем Ронна остановил особое внимание. Он выделялся среди уродливых фигур – высокий, стройный, тоже короткорукий, зато с гораздо более гибкими руками, такой же густоволосый, с двумя рожками, торчащими из волос, – у остальных и намек на рожки не было. И глаза пятого выгодно отличались от глаз четырех других – не только принимали свет, но и сами светились, а порой, когда он обращал лицо к коротышке, из них вырывались как бы электрические искры.

Ронна перевел ротонный луч на стену с экраном, чтобы разглядеть туманную картину на нем, и увидел все, что окружало корабль снаружи: высокие голубые деревья, оранжевую траву поляны, шествующую по небосводу Гаруну Голубую и два разведочных шара над кораблем.

– Однако! – восхитился Ронна. – Оказывается, став для нас невидимыми, сами они продолжают нас разглядывать! Может быть, даже видят нас с тобой, Ланна?

Ланна после краткого размышления отверг предположение Ронны. Если бы пришельцы видели не только поисковые шары, но и дилонов внутри шаров, то и на их экране появились бы дилоны, а не одни шары, как показывает экран. Зато, продолжал Ланна, ему удалось сделать очень важный вывод: они разговаривают. То странное шевеление губ, то нервное опускание и поднятие нижней челюсти, та оживленная же-

стикуляция рук есть их метод передачи информации, то есть разговор.

– Разговор при помощи губ, челюстей и рук? – удивился Ронна. – Какой невероятный способ общения!

– Еще язык, – добавил молодой Различник. – В пасти у пришельцев, как и у нас, язык, но он много подвижней нашего: дергается и изгибается, когда шевелятся губы и движутся челюсти. Я склонен думать, что у них язык главный агент информации.

Ронна, однако, не был убежден. Если Ланна прав, то пришельцы могут вступать в общение, только когда видят движение губ, челюстей, языка и рук. А в темноте они, стало быть, беспомощны? Прекращают не только беседы, но и всякое действие, связанное с обменом информацией. Конечно, конструкция их организмов далека от совершенства. Но такая чудовищная недоработка!

В это время молодой пришелец завершил жестикуляцию энергичным взмахом руки и показал на экран, где виднелись два поисковика. Лохматый наклонил голову. Молодой и тот, у которого в волосах торчали рожки, зашагали в другой конец корабля. Здесь они выдвинули из ниши продолговатый предмет и вернулись назад. Корабль вышел из невидимости и засветился. Операторы могли теперь и без ротонного прожектора разглядывать корабль снаружи. В главном помещении корабля лохматый пришелец опять кивнул копной волос, пришелец с рожками задвигал пальцами на доске с

кнопками под экраном продолговатый предмет выскользнул наружу через открывшийся люк и стал подниматься вверх.

– Запустили разведчика, – прокомментировал событие Ронна. – Двинемся за ним, не выпуская из обзора. Второй поисковик остается на месте. Что-нибудь передашь операторам?

Ланна повторил уже отданный приказ – фиксировать все действия пришельцев внутри корабля и установить, какими полями аэроразведчик будет получать информацию во время облета. Ответ последовал незамедлительно. Аэроразведчик работал в световых лучах, а передавал на корабль сведения в других электромагнитных импульсах. Кроме того, он был снабжен небольшим гравитатором. Для боевых ударов этот аппарат мало пригоден, но массы вещественных объектов определяет надежно.

– Отлично! – оценил сообщение Ронна. – Сейчас я настрою наши собственные приемники на информацию аэроразведчика. И мы столь же ясно, как они сами, увидим, что их заинтересовало у нас.

Аэроразведчик сделал несколько кругов над кораблем, потом повернул в сторону больших лесов на границе между территориями дилонов и рангунов. На дисплее следящего за ним поисковика обрисовалось обширное пространство сперва голубых, потом синих деревьев. Видимо, лес не заинтересовал пришельцев, управлявших со своего корабля полетом аэроразведчика: он крутыми витками вздымал все выше – в

поле обзора вмещалась все большая часть поверхности планеты.

– Как бы он не полетел к рангунам, эти бестии мигом собьют его своими ракетами, – забеспокоился Ронна.

Аэроразведчик, словно услышав предостережение, повернул назад. Теперь он мчался к столице дилонов, передавая на корабль пейзаж планеты каменные сооружения, вытянутые в двойные полосы, возвышения возле них, холмы в стороне от возвышений и башни со светящимися вершинами. Внизу проплывали темные точки.

– Может напороться на охранные маяки, – снова забеспокоился Ронна. С добрыми или враждебными намерениями он это сделает, но его собьют.

Ланна задумался, выискивая, как донести до пришельцев опасность приближения к охранному маяку. Но аэроразведчик отвернул от первого же маяка и опустился ниже. Картина изменилась. Возвышения вдоль полос превратились в цилиндрические здания без окон, темные точки стали летательными аппаратами. На полосах обозначились дилоны, их становилось все больше – перемещались по улицам, собирались в кучки, кучки снова рассыпались, некоторые дилоны удлинляли шеи и задирали головы, чтобы получше рассмотреть проносющийся над ними аппарат. Видимо, пришельцев, командовавших аэроразведчиком, больше интересовали не здания, а их обитатели, – аппарат подлетал то к одной, то к другой кучке жителей, зависал над ней и не удалялся, пока

дилоны не расходились. На одного дилона, остановившегося на улице с задранной головой, аэроразведчик спикировал – на дисплее возникла удлинённая безволосая голова, откиннутый назад лоб, острые уши, очень вытянутый губастый и зубастый рот. Дилон испугался опускавшегося на него аппарата и сперва отскочил в сторону, а потом убежал – любопытство сменилось страхом.

Аэроразведчик прекратил наблюдение за жителями и стал перелетать от одного здания к другому, описывая вокруг них круги. Но осмотр зданий не породил продолжительного любопытства: здания были похожи одно на другое. Разведчик сосредоточился на средствах передвижения. По улицам проносились рейсовые шары, то один, то другой сокращал в воздухе свой объём, плавно опускался, из него выходили прибывшие жители, входили улетающие, шар расширялся, быстро взлетал и мчался на другую остановку, где снова выпускал приехавших и забирал отъезжающих. Почему-то простая операция взлёта и опускания заинтересовала пришельцев – они перегоняли разведчика от одного шара к другому и держали в опасной близости от них. Но столкновений не было, все движения регулировались очень точно. Увэ Ланна после небольшого раздумья установил:

– Пришельцы для передвижения не используют выталкивающую силу атмосферы, поэтому их так поразили наши транспортные механизмы.

– Очень глубокий вывод, – согласился Стиратель Разли-

чий и поспешно добавил: – Но что это, Уве Ланна? Они рискуют!

Пришельцы, по всему, решили, что информации о зданиях, жителях и средствах передвижения с них хватит, но высокие светящиеся башни надо изучить. Аэроразведчик полетел к охранному маяку и сделал круг в опасной близости от него. Ронна направил свой поисковик наперерез воздушным эволюциям разведчика, чтобы не дать ему приблизиться к маяку. Но разведчик вдруг камнем полетел вниз, остановился и снова – уже внизу – совершил такую же недопустимую петлю вокруг башни. Ронна со всей поспешностью опустил поисковик за аэроразведчиком, чтобы и внизу оказаться между ним и маяком. Но когда поисковик Ронны опустился до уровня разведчика, тот взмыл и у вершины башни – самое запретное место – снова закружил вокруг нее.

Ронну вызвал Командующий охранными маяками:

– Уважаемый Стиратель Различий, что у вас за игра? Разве вы не знаете, что приближение к маяку запрещено?

Ронна в этот момент пытался настичь взлетевшего вверх разведчика.

– Я-то знаю, уважаемый Командующий маяками. Но не уверен, что пришельцы это знают так же хорошо, как я.

– Вынужден действовать по уставу, – информировал Командующий.

Верхушка мачты озарилась и погасла. Но еще до того, как она погасла, вспыхнул и аппарат пришельцев. Поисковик

подлетел к нему, когда его уже не было. В воздухе развеивались пыль и пар.

Уве Ланна задумался, выстраивая выводы из печального события. Рина Ронна, по профессии обязанный соображать быстрее, воскликнул:

– Хорошо, что самих пришельцев не было на борту! Я лечу к Старейшинам – объяснить, что мы узнали, и оправдаться в том, что мы совершили.

– Что допустили, а не что совершили, – поправил молодой Различник и добавил: – Я возвращусь в Коллегию Дешифраторов и попытаюсь отыскать ключ к поступкам пришельцев.

Ничто не показывало, что уничтожение аэроразведчика вызывает какие-то ответные действия пришельцев. Корабль по-прежнему покоился на полянке в Голубой Роще и не ушел снова в невидимость, а это, по мнению Ланны, доказывало, что он не опасается нападения. Не было и особого волнения среди пятерых пассажиров корабля. Правда, лохматый хмурился и, сердито глядя на юношу с рожками, нехорошо шевелил губами, а тот качал головой и разводил руками. Но больше ничего важного не произошло. Четверо пришельцев разошлись по маленьким помещениям, улеглись на узкие подставки, чем-то накрылись, закрыли глаза, и всякое общение у них прекратилось. Только юноша с рожками на кудрявой голове остался в помещении и то всматривался в обзорный экран – на нем была все та же роща деревьев, полянка, звезды, сменившие дневные светила, и недвижно зависший над кораблем поисковик, то манипулировал с кнопками и рычагами под экраном. На пейзаж, изображенный на экране, его манипуляции не действовали.

К этому времени подоспела первая расшифровка наблюдений за кораблем. И расшифровка показалась Уве Ланне невероятной. Все снова и снова проверяя соответствие фактов и объяснений, Ланна пришел к выводу, что факты, конечно, практически реальны, но вместе с тем столь же прак-

тически невысказаны. Был момент, когда новоопределенный Конструктор Различий в отчаянии даже подумал, не отказаться ли ему от дарованного высокого звания, как незаслуженного, ибо установленные им отличия пришельцев от дилонов вышли за рамки допустимого.

– Ты ошеломлен, Уве Ланна, – заметил вернувшийся Ронна. – Ты открыл что-то странное. Я не ошибаюсь?

– Ты не ошибаешься, Рина Ронна, – ответил молодой Различник. – Я расшифровал способ информации у пришельцев. Он так отличен от нашего, что кажется попросту невысказанным, хотя реален фактически.

После такой глубокой оценки своего открытия Ланна объяснил, что у пришельцев изучены три разных действия: во-первых, уже замеченная раньше жестикуляция рук и мимика лица, но они явно вторичны и необязательны могут быть, но могут и отсутствовать. Во-вторых, более существенно, что движения языка, губ и челюстей порождают звуки и комбинации звуков очень разнообразны – всего зафиксировано около трех тысяч их. Можно предположить, что таких звуковых комбинаций гораздо больше, пришельцы использовали в разговорах, которые удалось записать, далеко не все богатство слов – так они называют свои звуковые комбинации.

В-третьих, каждое слово сопровождается излучением мозга такой же примерно физической природы, как и мозговые излучения дилонов при их размышлениях. И каждая мыслительная волна соответствует той акустической комби-

нации, которую они называют словом. Любое слово сопровождается излучением, характеризующим именно это слово, а не другое.

– Пока все просто, – сказал Стиратель Различий. – Информация у пришельцев, как и у нас, производится излучениями мозга, а акустика слова – побочный продукт передаваемой информации. И мы при разговорах повизгиваем, полаиваем, даже напеваем. И, наверно, есть точная связь попутных звуков нашей речи с самой речью – то есть мыслями, передаваемыми излучением. Но кто будет изучать эту связь звуков и мыслей? Кому она интересна?

– В том-то и дело, что информация у пришельцев совершается вовсе не мозговыми излучениями, а звуками. Передача мыслей идет словами, то есть не прямым, а побочным способом, к тому же весьма неточным: пришельцы не всегда чувствуют соответствие слов и мысли и поэтому часто переспрашивают один другого. Иногда у них возникают споры из-за слов – такие словесные перепалки тоже зафиксированы, – а это немислимо при прямой передаче мыслей.

– Твое сообщение так удивительно, что в него, и вправду, трудно поверить, – согласился Ронна. – Но это наблюдение, а не доказательство.

– Сейчас я тебе изложу и доказательство.

И Ланна объяснил, что слова и у пришельцев сопровождаются адекватными мозговыми излучениями, но те же мозговые излучения происходят и без слов. Такое действие соот-

ветствует размышлению у дилонов. Отсюда вывод: пришельцы умеют размышлять, хотя, нет сомнений, их способности к размышлению примитивней наших. Но у них излучения, составляющие мысли, никогда не передаются сами по себе, для передачи они должны предварительно получить акустическую форму.

– Мы тоже не всегда передаем наши мысли, если не хотим такой передачи. Иначе все, что мы думаем про себя, было бы доступно каждому.

– Не передаем, если не хотим, Ронна! А они если и захотят, то не смогут. Их формы общения так примитивны, что меня охватывает ужас, когда я думаю, сколько времени, сколько энергии тратят пришельцы попусту в разговорах, сколько путаницы и непонимания в их беседах! И почти отчаяние овладевает мною, когда думаю о сложностях общения с ними. Оно ведь невозможно без взаимной информации. Мы-то сможем понять их мысли-слова, но как донести до них наши мысли? Нам не воспроизвести ни одного слова! Мы будем понимать пришельцев, они нас – никогда.

Опытному Стирателю Различий положение не представлялось столь безнадежным. Конечно, дилоны не сумеют произносить слова, но каждому слову соответствует излучение мозга, ведь так? Пришельцы не воспринимают собственных мозговых излучений – те слишком слабы. Но разве мы не можем увеличить энергию наших излучений?

– Вот тебе выход, Уве Ланна. Мы оперируем только из-

лучениями, слов не пытаемся воспроизвести. А пришельцы, принимая наши передачи, воспринимают их как привычные им слова. Теперь рассмотрим, что расшифровано в записях дешифраторов, – продолжал Ронна. – Пришельцев пятеро. Они из какого-то далекого мира. Главное светило их мирка – звезда Солнце, окруженная населенными планетами. Сами они примчались с планеты Латона – она в стороне от звезды Солнце. Время в их мирке – прямое и цельное, все живое и неживое у них синхронизировано в едином времени. Но на корабле имеются аппараты для замедления и убыстрения времени, для искривления его и даже для полной перемены хроновектора в будущее на вектор в прошлое. Корабль космический хронолет. Название – «Гермес», что оно означает, пока неясно. Пришельцы именуют себя людьми или человеками, еще одно наименование хрононавигаторы. Чем хрононавигаторы отличаются от людей или человеков, точно не установлено. Первый хрононавигатор, он же капитан «Гермеса» самый лохматый – Анатолий Кнудсен. Изображение лохматого мужчины на стене, так сильно схожего с Кнудсеном, они называют портретом бога Хроноса, что это означает, тоже неясно. Коротышка – Михаил Бах, именует себя археологом, они обозначают его словом «академик» – возможно, словесная характеристика его маленького роста. Третий пришелец, стройный, золотоволосый, – женщина, имя – Мария Вильсон-Ясуко, геноинженер, это ее специальность, нам незнакомая, но, наверно, важная – к Марии Вильсон-Ясуко

все относятся с почтением. Теперь двое молодых. Один, без рогов, хрононавигатор Аркадий Никитин, ничего особенного о нем пока не узнали. Последний, с рожками, – робот Асмодей, самый подвижный и деловой из пятерки, его красота и умения признаются всеми. Что же до наименования «робот», то, видимо, это почетное звание, которого удостоиваются только выдающиеся люди, мастера на все руки, так его называют, хотя рук у него всего две и проще было бы квалифицировать таких незаурядных людей как мастеров на обе руки. А имя Асмодей не расшифровано, но, возможно, и в нем есть важный смысл.

– Вот видишь, как много мы узнали о пришельцах, – закончил Ронна. – И можем уже осмысленно воспринимать картинки, появившиеся в луче ротонного генератора. Прикажи подать на экран расшифрованную запись.

На экране снова возникло просторное светлое помещение и пять фигур. Но если недавно оба дилона наблюдали лишь жестикуляцию рук и движение губ и челюстей, то теперь стал ясен и сам разговор.

– Нет, это же поразительно! – говорил тот полный и невысокий, о котором расшифровали, что зовут его Михаилом Бахом и что он академик. Какие деревья, нет, какие деревья! Каждое до ста метров и больше! Ни в одну эпоху на Земле не было таких гигантов, а ведь растительности хватало. И где? На небольшой планетке, в мире какого-то превратного времени!

– Не превратного, а искривленного, – с улыбкой поправил Кнудсен. – Но какое отношение имеют метаморфозы времени к величине деревьев, Миша?

– Знаю: вы, хронофизики, считаете одинаково законными любые уродства времени. Но я – археолог, Анатолий, земной археолог. Для меня не только я сам, но и горы, и океаны, и леса существуют лишь в моем прямом времени том, которое движется всегда вперед, всегда от прошлого через настоящее к будущему. И хотя физики убеждали меня, что кроме вещества существует еще и антивещество, и то антивещество можно изобразить как пребывающее во времени обратном, я понимал это мыслью, а не чувством. И я ожидал, что встречусь в мирах иного времени с чем-то столь же удивительным, как удивительно само понятие иного времени – деревья, растущие не вверх, а вниз или вбок, камни, падающие вверх, холодный жидкий металл... Но вот мы сейчас в каком-то дико запутанном времени, оно движется не вперед и не назад, а кружится и петляет. А за стеной хронолета такой же предметный мир, такие же камни и воздух – правда, много плотней нашего земного, такие же вода и растения. Время течет по-иному, а мир в нем такой же. Нет невероятностей и чудовищностей – и это невероятно и чудовищно! И в этом немислимо не нашем времени, живут какие-то развитые народы – вон два их разведочных аппарата зависли над «Гермесом»: изучают нас, возможно, и прикидывают, как нас приветствовать – объятиями или залпами? Земное,

слишком земное! Не удивлюсь, если аборигены планеты ходят на двух ногах, несут на плечах по одной голове и обратятся к нам на человеческом языке.

В разговор вступил молодой хрононавигатор:

– Анатолий, я снова прошу – снимем оптическую невидимость и пойдем на разведку.

Кнудсен глядел на экран. Два шара – явные разведчики – покоились в воздухе, как на фундаменте. Недавно они примчались на полянку, вдруг стали сжиматься и опускаться. Потом сжатие прекратилось, оборвалось и падение. По всему, выталкивающая сила местной атмосферы уравнивала вес шаров. Что могли фиксировать разведчики, упрямо не отрывавшиеся от корабля? Оптический экран для них не помеха: они, перед тем как замереть в неподвижности, облетели весь корабль и так точно повторили все извивы его корпуса, как если бы видели его на ярком свете. Если аборигены применяют гравитационные индикаторы, то могут не только изучать незнакомый объект, но и наносить по нему гравитационные удары. Гравитаторам корабля задана программа отражения гравитационного нападения. Но не было признаков агрессивности аборигенов. И не было сигналов – гравитационных, оптических, тепловых, электромагнитных, – которые зафиксировали бы желание контакта: ограничивались наблюдением за кораблем.

– Выпускаем разведчика, – распорядился Кнудсен.

Затем оба дилона увидели то, что уже наблюдали раньше

– вылетевший аэроразведчик и сам корабль, выключивший оптическую защиту. И еще увидели на экране, как они сами на одном из поисковиков помчались вслед за аэроразведчиком.

– Что мы делали, рассматривать неинтересно, Ланна, – заметил Ронна. Сконцентрируемся на том, что видели в это время пришельцы на экране корабля.

Пришельцы видели то же самое, что совершалось перед глазами Ронны и Ланны, когда они сопровождали разведчик в его метаниях над городом и мешали ему опасно приблизиться к охранным маякам. Интересней были комментарии пришельцев.

– Настоящий город! – воскликнул Бах. – Правда, здания без окон. Боюсь, они не радуются свирепому сиянию своей белой звезды. Отсутствие окон – наверно, для защиты от нее. Сколько аборигенов на улицах! Асмодей, познакомь нас поближе с кем-нибудь.

Асмодей, сидевший у пульта, направил астроразведчика на одного дилона, задравшего вверх голову.

Женщина, сидевшая рядом с Кнудсеном, вскрикнула. Дилон, испуганный пикировавшим на него разведчиком, проворно удрал, а женщина сказала:

– Какой уродец! Собачья морда, а не лицо. И сколько зубов в пасти! Но глаза добрые и умные. И как этот уродец выразил ужас, когда наш датчик стал падать на него. Он, похоже, подумал, что его собираются раздавить. Между прочим,

все они хвостатые и чудовищно длиннорукие.

Кнудсен задумчиво сказал:

– Не знаю, можно ли так говорить: «между прочим, хвостатые и длиннорукие». А если здесь это важная функция – быть хвостатым и длинноруким? Не между прочим, а по существу, Мария! Напомню, что на Латоне в своей геноструктурной лаборатории ты выводила живые конструкции со множеством необычных и неожиданных органов и деталей. Ведь так? Но у каждого нового органа была своя важная функция, ни один не создавался «между прочим».

Женщина с улыбкой посмотрела на Кнудсена.

– Анатолий, ты продолжаешь попытки обратить меня в свою веру. Но я говорила тебе, что в геноструктурной лаборатории на Латоне новые живые формы создаются по разработанным разумным проектам. Не верю в разумность природы. Она работает не по чертежу, не по программе. В ней игра сил, а не проникновенность разума. Вынужденная реакция на внешнюю необходимость. Природа – творец, не отрицаю, но плохой конструктор. И я это всегда буду утверждать.

– Мы, между прочим, для того и отправились в наше хронопутешествие, чтобы выяснить, кто из нас прав, – примирительно сказал Кнудсен.

Асмодей, показывая рукой на экран, закричал:

– Аборигены мешают разведчику. Что делать?

В это время разведчик приближался к башне и поисковик дилонов вклинился между ним и маяком, не давая дороги.

Молодой хрононавигатор, Аркадий Никитин, сказал:

– Анатолий, вот прекрасный способ выяснить намерения аборигенов. Они отгоняют от башни – значит, там что-то запретное. Но как они поступят, если продолжим разведку башни? Какие возможности недопущения и защиты?

– Информация методом провокации, – сказала женщина, пожимая плечами. – Не уверена, что это лучший способ знакомства.

– Лезть на рожон не будем, но и сразу отступаться не надо, – сказал Кнудсен. – Асмодей, покажи, что способен уйти от контроля, но большим приближением не нервируй.

Асмодей легко увел разведчика вниз, еще легче оторвался от шара, взмыв вверх. Игра, только начавшись, прервалась. Тускло светившаяся верхушка башни вспыхнула и погасла. Аэроразведчик превратился в клубок пламени, пламя стало облачком пыли, пыль рассеивалась в воздухе. Пассажиры трансмирового корабля молчали, не отрывая глаз от экрана.

– Поделом нам, – прервала молчание Мария Вильсон-Ясуко. – Имели ясное указание, что можно и чего нельзя, и вызывающе не посчитались с этим.

– Обращаю внимание, – доложил Асмодей, – что разведчик перед распадом вдруг завибрировал. В него не попадало извне ни снарядов, ни пуль, он не был облучен силовыми полями. Он вспыхнул и взорвался изнутри, а не от удара извне. Он распался от безмерно усилившейся вибрации. Мне такие методы уничтожения неизвестны. На нас напали неведомым

мне способом.

– Не напали, а защитились, Асмодей, – поправил Кнудсен. – Итак, аборигены, столь похожие головой на земных собак, только со змееобразными руками и большим хвостом, искусно защищают свои секреты. Это весьма отранно.

– Что тебя, собственно, радует, Анатолий? – поинтересовался Бах. Что наши новые знакомцы, с которыми мы, впрочем, еще не познакомились, обладают мощными средствами уничтожения? Или – конкретней – что без особых усилий превратили в облачко праха наш разведчик?

– И то, и другое, Миша. Ибо оба факта свидетельствуют об их мирных намерениях. Имея такие могучие средства борьбы, они могли бы напасть на нас, но этого не сделали – значит, войны не хотят. А уничтожением аэроразведчика продемонстрировали, что имеют секреты и предлагают в них не проникать. Напомню, что осмотр города и жителей возражений не вызвал. В общем, я надеюсь на дружбу.

– Что мне делать, капитан? – спросил Асмодей. – Запустить второго разведчика, но держать его подальше от запретных башен?

– Не надо. Тебе – дежурить. Нам четверым – спать. После сна высаживаем десант: начальник – Аркадий Никитин, эксперт – Михаил Петер Бах, помощник и охранитель – Асмодей. Мы с Марией страхуем вас защитными механизмами «Гермеса». Теперь – по каютам.

Пассажиры корабля разошлись.

Рина Ронна притушил экран. На нем виднелся один Ас-модей. Этот красивый парень с рожками на голове что-то напевал, трогал гибкими пальцами кнопки и рычаги – важного значения его действия не имели.

– Умный народ эти люди или хрононавигаторы, что, возможно, одно и то же, – с уважением промыслил Ронна. – Даже странно, что существа с такими конструктивными недоработками тела, с таким примитивным обменом информацией – только при помощи слов, не всегда адекватных мыслям, с такими... в общем, что они быстро уловили наши возможности и наши намерения. Ты зафиксировал, что они успели узнать о нас и что мы узнали о них?

Ланна перечислил, что считал самым важным. Они узнали, что защита корабля непроницаема для звука, света, корпускулярного излучения, но бессильна против гравитационных аппаратов – и догадываются, что эти аппараты в любой момент могут превратиться в орудия истребления. О ротонных прожекторах они представления не имеют. О резонансных механизмах догадываются, ибо аэроразведчик был испепелен перед их глазами. О разрыве времени на Дилоне не знают. Воевать с нами и покорять нас не намерены – и не только потому, что уступают нам в уровне техники. В отличие от рангунов, хрононавигаторы, они же люди, или человеки, патологической воинственностью не заражены.

– Неплохо, – одобрил Рина Ронна. – Тебе, полагаю, поручат доложить о пришельцах Старейшинам. Основу доклада

ты уже выстроил. Противодоклад делаю я. Ты уже обговорил с Мат Магоном ваше взаимоперевоплощение?

– Когда же, Ронна?

– Все же долго не уклоняйся от операции. Появление пришельцев вызовет много событий. Ты должен быть полностью синхронизирован, чтобы не попасть в беду, если возникнут непредвиденности. Говорю это тебе не только как друг, но и как провидец по должности.

– Все сделаю, – пообещал Ланна без энтузиазма.

– Теперь так, – продолжал Рина Ронна. – После сна люди высаживают на Дилону десант. Мы с тобой поведем этот десант в Ратушу. Надо их прозеркалить, без этого – никаких дружеских контактов.

– А если они воспримут прозеркаливание как враждебное действие?

– Не воспримут, Уве. Ты ведь помнишь, что говорил их капитан Кнудсен, так похожий на портрет своего родственника на стене?

– На портрет бога Хроноса, Ронна.

– Я и говорю – не то брата, не то отца. Они поняли, что мы не желаем им зла, а мы знаем, что они явились не воевать, а познавать нас. После прозеркаливания – прием у Старейшин, наши с тобой доклады и окончательное решение Программы Судьбы пришельцев. Подразумеваю программу их пребывания на Дилоне, а не существование вне планеты.

– Ты не боишься, что рангуны помешают приему при-

шельцев?

– Боюсь. Даже очень. Но надеюсь на разум Кун Канны. Он хоть и служит рангунам, но все же дилон, а не рангун. Он отговорит Ватуту от нового нападения на пришельцев. На всякий случай Братья Опровергатели приняли меры: на всех маяках, на всех батареях резонансных орудий дежурят полные комплекты операторов. Даже хронобойные аппараты задействованы.

Киборг Асмодей для первого выхода на незнакомую планету выбрал свою любимую личину № 17. Он охорашивался, поправлял кудри, складки одежды высокий, темнолицый, остроглазый, с узенькой бородкой на удлиненном лице, с двумя серебряными рожками, красиво выступающими из курчавых волос, с жесткими усиками, в богатом костюме средневекового аристократа: камзол, короткие штаны, шелковые чулки, шпага на левом боку, сверкающий бриллиантами пистолет – на правом. Мария смеялась, Аркадий хохотал.

– Ты похож по одежде на французского маркиза, а усами – на какого-то немецкого монарха. В общем, помесь дьявола с аристократом. А зачем шпага и пистолет? Устраивать дуэли с аборигенами?

Асмодей выхватил шпагу и ткнул в Аркадия. Лезвие при выпадении удлинилось втрое узким снопиком пламени. Выстрел из пистолета прозвучал неслышно, но Аркадий не устоял на ногах. Впрочем, Асмодей успел его подхватить.

– Одна сотая мощности, – сообщил он, сияя. – А если на полной силе оружия?

– Но зачем такое театральное оформление? Разве бластер с переключателем мощности хуже?

Бластер не отвечает личине № 17, объяснил киборг. Зато в личине № 15 – образе юного звездопроходца – ни шпага,

ни пистолет в драгоценных камнях, разумеется, не к лицу. Не годятся они и для личин от № 1 до № 14, копирующих змею, кентавра, волка, сфинкса, корову и прочую живность.

– Аборигенам личина № 17 понравится, – заверил Асмодей. – Вы, люди, мало интересуетесь собственной историей, вы устремлены в будущее. А я без истории не могу. Я еще покажусь тебе в образе грека-рапсода, увенчанного лавровым венком, или старшины гильдии палачей в кроваво-красном плаще, с топором на плечах, или казака-разбойника на лихом скакуне, с пикой наперевес. Обалдеешь!

– Расскажи, почему друзья прозвали тебя Асмодеем, – сказала, посмеиваясь, Мария.

Асмодей охотно поведал, что раньше собственного имени не носил и значился в каталоге как «Конструкция опытная многоцелевая на двадцать четыре функции и девятнадцать обликов». И вот, прикидывая обертоны к личине № 16, то есть облику трудяги-лаборанта с большим научным будущим, он для забавы добавил себе светящиеся рожки, усы и бородку, длинные когти на мохнатых руках и усилил сверкание глаз до зловещего блеска. И в таком виде вдруг появился перед одной лаборанткой. Та сперва отшатнулась, потом захохотала: «Ах ты, Асмодей!» Так состоялось крещение киборга-универсала бесовским именем Асмодей.

– Бесовскую внешность я тогда придумал сам, – с увлечением хвастался Асмодей. – Скопировал картинку из книги «Мифические представления древних народов о нечистой

силе». Я только не прирастил себе хвоста. Между прочим, верховных демонов Люцифера и Вельзевула, а также главного Сатану тоже рисуют без хвостов. Хвост – чиновное отличие низших бесов. В низшие бесы мне не захотелось, в верховные дьяволы не пожелал. Стать Люцифером или главным Сатаной – церемониал, жуткая хлопотня, больше парада, чем дела. А я обожаю дело. Оперативность мне по душе, хотя души в меня не встроили. Я спрашивал конструкторов – отвечают: не знаем, как душа выглядит в физической модели, математической формулы души тоже нет. Научная недоработка, по-моему.

Он завершил объяснение нечеловеческим хохотом.

Когда киборг закончил с туалетом, Аркадий попросил разрешения на выход.

– Немного погодим, – ответил Кнудсен. – Меня тревожат новые шары.

Один из шаров недвижно висел над «Гермесом» с того момента, как корабль опустился на полянку в гуще голубых деревьев. Второй шар улетел за аэроразведчиком. А недавно появились еще два шара. Все три были цельные, без иллюминаторов и люков, по их поверхности пробегали цветные волны, шары казались гигантскими мыльными пузырями, тускло поблескивающими в сиянии двух солнц, – одно катилось на закат, другое восходило...

– Что тебя беспокоит? – спросил Аркадий. – Что в каждом шаре сидят аборигены? Нового в этом нет.

– Новое в том, что два шара появились точно к вашему выходу наружу. Уж не поджидают ли вас?

– Если поджидают, значит, подготовили почетный эскорт.

– Но ведь мы им не сообщали, что выходим! И никаких признаков выхода не показали. Как же они узнали о нашем решении?

– Не рано ли мы приписываем аборигенам умения, превосходящие наши собственные? – возразил Аркадий.

– Во всяком случае, умения, отличающиеся от человеческих, мы допустить вправе, Аркадий. Ладно, выводите десантную авиетку.

Когда авиетка вынеслась наружу, два новых шара пристроились к ее бокам. Скоро стало ясно, что они не просто эскортируют авиетку, а задают направление. Аркадий заколебался, куда направиться, вчера аэроразведчик показал несколько мест, заслуживающих изучения. Но оба шара синхронно повернули вбок и придвинулись ближе. В авиетке свободно помещались три человека, но она выглядела крохотной рядом с шарами.

– Приглашают на посадку, – сообщил Аркадий на «Гермес». – Весьма интенсивно худеют. Я немного покочевряжусь, посмотрю, как они поведут себя.

Оба шара, сокращая объем, плавно опускались вниз. Это могло сойти и за приглашение на посадку. Аркадий задержал авиетку на высоте. Оба шара остановились, словно поджидая. Вместо снижения, Аркадий задал автоматам подъем.

Авиетка задрожала и закачалась, как на волне. Что-то внезапно заблокировало автоматы подъема.

– Потеряли собственное управление, – передал Аркадий на «Гермес».

– Не противодействуйте, – отозвался Кнудсен. – Мы все видим. В случае опасности применим защиту.

Аркадий вторично проверил управление. Подъем отключился полностью, автоматы спуска и поворота вяло отвечали на команду – их тоже блокировали.

– Нам разрешают лишь те действия, которые им угодны, прокомментировал положение Аркадий. – Бездействие тоже разрешено. Остается сложить руки на груди и безмятежно ожидать встречи с хозяевами. Думаю, выключение всех двигателей сойдет за сложенные на груди руки.

В нормальных условиях при остановке двигателей авиетка должна была камнем рухнуть вниз. Но она с той же плавностью, что и шары, опускалась между ними. Шары одновременно коснулись грунта, за ними мягко опустилась и авиетка. На шарах не было и видимого намека на люки, но один шар вдруг распахнулся, и из него вышли два аборигена. Они походили и на сутулых людей, и – еще больше – на вставших на задние лапы крупных собак с непомерно длинными, гибкими передними лапами. Оба неспешно пошли к авиетке. Хрононавигаторы тоже выбрались наружу. Аркадий заготовил традиционную фразу знакомства: «Земляне приветствуют вас, друзья!» Затем полагалось радушно поднять руку и

присмотреться, кого же зачисляют в друзья людей.

Все уставные варианты знакомства оказались излишними.

Один из аборигенов протянул внезапно укоротившуюся руку с целым гребешком пальцев и заговорил на хорошем человеческом языке:

– Приветствуем тебя, хроноштурман Аркадий Никитин, и тебя, академик Михаил Бах, и тебя, киборг Асмодей в твоей прекрасной личине № 17! Вы прибыли на планету Дилону в звездной системе Гаруны Белой и Гаруны Голубой. Вы – наши гости. Вас ждут властительные Старейшины, Конструкторы Различий, Стиратели Различий, Братья Дешифраторы и Братья Опровергатели.

И Аркадий, и Бах понимали, что ни при каких ситуациях нельзя стоять с вытаращенными глазами и раскрытым ртом: на Земле это сочли бы невоспитанностью, а доказательств, что на Дилоне нормы общения другие, не было. Бах нашелся первым.

– Вы говорите по-человечески? И знаете наши имена и кто мы? Как это возможно?

– Братьям Дешифраторам пришлось потрудиться, – не то прозвенел, не то пропел дилон. – К тому же вы прикрыли свой корабль оптическими и корпускулярными экранами, даже гравитационные искатели лишь контурно ошупывали его. Но об этом потом. Меня зовут Рина Ронна, я – Сын Стирателей Различий и Брат Дешифратор. Мой друг, Уве Ланна, молодой Конструктор Различий. Мы будем отвечать на ваши

вопросы и вводить вас в нашу жизнь.

Все пятеро шли по улице, заполненной аборигенами. Рина Ронна с Аркадием – впереди, за ними Бах с Асмодеем, шествие замыкал Уве Ланна. Почетный эскорт был похож на древний земной конвой для заключенных. Ронна, шагая, разговаривал, Ланна, столь же энергично шагая, не обмолвился ни словом – возможно, не столь хорошо освоил человеческий язык. Бах вдруг обнаружил несообразность: он отчетливо слышал человеческие слова, но звуки, которые дилон произносил ртом, не могли быть словами, – они напоминали тихий визг, напев, иногда приглушенный лай. «Мысленно передают слова, а физически не говорят», – с удивлением зафиксировал Бах.

Аркадий с Бахом рассматривали выстроившихся вдоль дороги дилонов. Их глазами наблюдали жителей и Кнудсен с Марией. Впечатление, что дилоны напоминают поднявшихся на задние лапы собак, лишь силуэтно отвечало облику. Только голова с вытянутым лицом и острыми ушами сильно отличалась от человеческой, да еще слишком короткие ноги при слишком длинных руках. Бах вполголоса заметил Асмодею, что дилонов на отдалении можно принять за пещерных людей. Аркадий мысленно обратился к Марии: если бы ты в своей геноструктурной лаборатории сочетала гены человека с генами собаки и обезьяны, то получилось бы дилонообразное существо.

Аркадий забыл, что дилоны распознают человеческие

мысли и что молчаливая передача на корабль так же ясна им, как и негромкое замечание Баха. Ронна доброжелательно напомнил об этом:

– Итак, у нас есть сходство и с людьми, и с неизвестными нам существами – собаками и обезьянами. Надеюсь, собаки и обезьяны пользуются почетом у людей?

Аркадий ответил с полной искренностью:

– Собака – лучший друг человека. А что до обезьян, то мы считаем их своими предками.

Теперь он знал, что надо не только помалкивать, но и воздерживаться от рискованных мыслей. Аркадий вспомнил, что в курсе «Техника безопасности при знакомстве с инозвездными цивилизациями» начинающему астронавту задавали разные вопросы с требованием не допускать никаких мыслей, относящихся к заданным вопросам, – регистратор мозговых излучений фиксировал, удалось ли это ученику. Астронавты дружно ругали запрет спровоцированных размышлений как насилие над интеллектом. Контроль над мыслями – одно из худших явлений древних времен, так высказывались иные. Впрочем, в каждой учебной группе появлялись и свои рекордсмены-мыслемолчалники. Аркадий к ним не принадлежал. Зато сейчас радовался и своей скромной отметке на экзамене по мыслемолчанию.

Улица складывалась из глухих зданий. Каменные пятидесятиметровые цилиндры не имели ни окон, ни дверей, только подземные входы с падающими вниз туннелями. Цилин-

дры вытягивались в две линии, полоса между ними и была улицей, а на ней такими же ровными рядами, как здания, выстроились дилоны. Ни один не нарушал невидимую запретную линию, но за ней все толкались, повизгивали, покрикивали и, удлинняя руки, высоко поднимали их над голыми головами. Передатчики хронавтов фиксировали все звуки в толпе, а расшифровку исчерпывали единственным словом: «Радуются!» И Асмодей, легко превращающий всего себя в огромный приемник, обнаружил в поведении дилонов только радость знакомства.

«Наше появление превратилось в торжественный спектакль», – высказался Асмодей и хохотнул. Ему нравилось, что он – причина дружеского праздника.

Аркадия удивило, что на улице не видно ни одного из транспортных шаров, каких вчера так много обнаружил на той же улице аэроразведчик. Ронна ответил, что шары убраны, чтобы не мешать процессии. Пришельцы могут не беспокоиться о шарах.

Шары появились вскоре после разговора о них. Что-то загрохотало, тяжкий гул пронесся над городом. Дилоны заматались по улице, большинство бросалось в узкие входные туннели домов, но в толчее застревали и валились один на другого. Ронна что-то прокричал людям, но его самого оттерла охваченная паникой толпа. Ланна тоже пропал. В этот момент в воздухе и возникли транспортные шары и роем посыпались вниз. Шары распахивались, в их зевы вторгались

жители. Наполнившиеся шары захлопывались, взмывали и пропадали за линией цилиндрических глухих громад.

И спустя короткое время хронавты обнаружили, что они одни. Аркадий вызвал хронолет. На экранчике наручного передатчика возник салон «Гермеса». Кнудсен сидел у пульта.

– Что-то чрезвычайное, аборигены впали в ужас, – сообщил Аркадий.

– Мы прикрыли вас силовым щитом, – ответил капитан хронолета.

В недрах снова грохнуло. Вся планета вдруг загудела, запыла, застонала, зазвенела, завывала – исторгала из себя на тысячу тонов фантастическую надрывную симфонию, каждый камешек, каждая прослойка голосили то пронзительно режущим, то гулким, как обвал, то дико рычащим звуком. Все вибрировало и содрогалось. И внезапно все внутренние, надрывные вибрации превратились в одну огромную судорогу недр.

Планета вся как бы взорвалась. Людей швырнуло вверх, все трое закачались на высоте – сработала защита. Небо ошалело качалось. Две Гаруны, Белая и Голубая, то рушились за горизонт, то вырывались наверх и валились на другой край неба, как отрубленные на плахе головы. И, в такт метаниям солнц, высотные цилиндры глухих зданий тряслись и изгибались, как былинки на ветру.

А спустя еще некоторое время грохот взрыва стал ослабевать. Планета еще содрогалась, но оба светила перестали но-

ситься в небе взад и вперед, тяжкий гул недр затихал, здания, окаменевавшая, уже не бросались одно на другое. Все возвращалось в то состояние, в каком обреталось перед внезапной катастрофой, как будто и самой катастрофы не было. Десяток минут назад Аркадий не сомневался, что город разрушен и улица, по какой они шли, завалена обломками домов, а под ними погребены дилоны, устремившиеся в туннели. Но здания возвышались невредимые, улица была как улица, только пустая, а с неба лили сияние жаркая Гаруна Белая и ласковая, почти нежная Гаруна Голубая: Белая – большая, Голубая – поменьше.

– Миша, что же это было? – спросил Аркадий. Все трое покачивались на высоте. Кнудсен пока не снимал защиты.

– По-земному – землетрясение, по-местному, наверно, дилонотрясение, с воодушевлением отозвался академик. Он сиял, как если бы его чем-то порадовали. – Великолепное зрелище! Какая сейсмоустойчивость зданий! Качались и перегибались – но ни одно не разрушилось! Случись такая катастрофа на Земле – и города превратились бы в кучу пыли, и реки вышибло бы из русел, и всюду зияли бы разломы.

На пустую улицу сел вырвавшийся между зданиями шар, из него выскочил Ронна.

– Опускайтесь на грунт, пришельцы!

Кнудсен отключил защиту, и хронавты опустились на землю. У Асмодея восхищение Баха сейсмоустойчивостью преобразовалось по-своему. Он радостно воскликнул:

– Отличный спектакль, дружище Ронна. Игра в паническое бегство разыграна великолепно!

Рина Ронна, Сын Стирателей Различий и Брат Дешифратор – длиннорукий, хвостатый, фигурой смахивавший не то на обезьяну, не то на неандертальца, а лицом на большую добрую собаку, – так выразительно помрачнел, что сразу стало ясно: спектакля не было, было несчастье.

– Асмодей, киборг и обладатель прекрасной личины № 17 и еще многих других личин, ты стал очевидцем не игры, а преступления. Коварные рангуны поразили нас неожиданным нападением. И если бы Братья Отвергатели не подготовились заранее, число жертв было бы несравненно выше, хотя и сейчас оно, к сожалению, значительно. Хочу вас заверить, пришельцы, что техника опровержения у нас на высоком уровне. Можете не сомневаться: презренных рангунов сейчас трясет и швыряет еще сильнее, чем они хотели потрясти и пошвырять дилонов. Впрочем, им это не страшно, они бессмертны.

– Так это была демонстрация против нас? – спросил Аркадий.

– И против вас тоже. Рангуны захотели показать вам свою мощь.

– Но если нам грозила беда, почему вы покинули нас?

Рина Ронна изобразил удивление на собакообразном лице. Он мог бы разговаривать не мыслями, трансформировавшимися в мозгу людей в слова, а одними гримасами – и было

бы понятно.

– Ты забыл, хроноштурман Аркадий, что мы не под силовой броней твоего корабля. Окажись Братья Опровергатели менее бдительны, весь город усеяли бы обломки домов и трупы.

Из туннелей выбирались жители. То тут, то там опускались возвращавшиеся шары, из шаров выпрыгивали дилоны. Но, в отличие от прежней, эта восстановившаяся толпа держалась тихо. Нападение рангунов порядком попортило всем настроение.

Из одного шара вывалился Уве Ланна и молчаливо пристроился на прежнем месте. Асмодей, осклабясь, хлопнул его по плечу. Ланна только взглянул на него большими грустными глазами, не обрадовался и не обиделся, – возможно, не понял, что означает этот странный жест – похлопывание по плечу. В отличие от своего товарища, молодой Различник казался замедленным и постоянно погруженным в размышления.

Так все пятеро подошли к цилиндрическому зданию, замыкавшему улицу. Не только самое высокое, но и самое массивное, оно было к тому же ярко-голубым, а не серо-черным, как остальные. И в него вел не узкий туннель, а просторный коридор, выложенный золотым, ярко светящимся камнем. По обе стороны голубого здания вздымались узкие башни с венцами: одна из таких башен, когда к ней слишком близко подлетел аэроразведчик людей, превратила его в об-

лачко дыма и праха.

– Обиталище Старейшин, – торжественно возвестил Ронна. – Шествуйте за мной, пришельцы.

В просторном вестибюле со стенками из плиток золотого камня и малиновыми колоннами из самосветящихся монолитов Ронна остановился.

– Дорогие гости, раньше, чем мы предстанем перед высокими Отцами Конструкторами Различий и могущественными Отцами Стирателями Различий... В общем, мне и Различнику Уве Ланне поручено вас тщательно прозеркалить. Я сказал «тщательно», чтобы следовать духу вашего языка и образу ваших действий, ибо, как обнаружили Братья Дешифраторы, у вас имеются три меры исполнения: тщательное, посредственное и халтурное, иначе мерзкое. Правда, не установлено, что вы больше любите, халтурное или мерзкое. У дилонов таких различий нет, все наши операции соответствуют вашему «тщательное».

Аркадий поинтересовался:

– Прозеркалить? Что это значит?

– Вас усадят перед проникновенными зеркалами. Проникновенными, ибо они сперва проникают, потом отражают. И вы увидите себя, какие сейчас и какие были в юности и детстве. А после посмотрите, какими станете в будущем. Ибо в проникновенных зеркалах вызеркаливается не ваша внешность, а ваша суть. Простая операция, не правда ли?

– Совершенно простая! – Аркадий обалдело поглядел на

Баха.

Но академик выказывал лишь любопытство. Он заранее ожидал неожиданностей и разочаровался бы, если бы неожиданностей не произошло.

Комната была как комната, такую можно увидеть и в земных зданиях. Высокий потолок чернее сажи создавал ощущение полного отсутствия потолка. Стены – розово-самосветящиеся, широким обводом замыкали небольшое пространство, в центре его стояло на треноге по виду обыкновенное зеркало. В нем бесстрастно и точно отразились оба дилона и хронавты. Ронна раза в два удлинит правую руку, что-то нажал в стене, стена бесшумно раздвинулась, вышло кресло с балдахином и подъехало к зеркалу. Ронна укоротил руку и помахал ею.

– Аркадий, садись и сосредоточься. Углубись в свою душу – такое я открываю в твоих мыслях название предстоящей операции.

Аркадий не был уверен, что именно углубление в собственную душу прочитал в его мыслях Ронна, но подтянулся, как бы готовясь к прыжку. Ронна отвел в сторону Баха и Асмодея – им, видимо, не полагалось лицезреть прозеркаливание чужой души. Дилоны встали позади Аркадия, оба следили за сменой изображений в зеркале, впрочем, по-настоящему их рассматривал один Ронна, а Ланна, только бросив взгляд на изображение, тут же погружался в размышления о нем.

Из зеркала на Аркадия глядел он сам, насупленный, со

сжатыми губами, округлившимися глазами. Аркадию захотелось рассмеяться, таким забавным показалось «прозеркаливание». Он удержался от смеха, но улыбка выползла на лицо. Аркадий знал, что улыбка промелькнула, он чувствовал, как губы раздвинулись, он как бы увидел со стороны свою улыбку – насмешливую, тут же опасно сдернутую с лица. Но в зеркале ее не было, зеркало ее не приняло, оно повторяло все тот же облик – румяный, золотоглазый, с длинными оранжевыми кудрями, спадавшими на плечи. Красивый, в общем, парень, но не улыбочивый, а нарочито хмурый – ухмылка такому не шла.

Удивившись, Аркадий стал всматриваться. Удивление тоже не отразилось. Аркадий вдруг понял, что не узнает себя в зеркале. Он выглядел гораздо моложе и все больше молодел. Он сидел в кресле один и тот же, а изображение показывало поначалу взрослого, гордящегося своей красотой мужчину; мужчина преобразовался в юношу; юноша превращался в мальчишку. И хоть сам Аркадий не сдвигался с кресла и, крепко обхватив его ручки, старался не менять окаменевшей на лице сосредоточенности, лицо в зеркале непрерывно менялось. В нем зарождались и боролись чувства, оно было то гневным, то умиленным, то безмерно удивленным, то ошале-ло ликующим. Но ни разу его не омрачала злоба, оно ни разу не выразило ненависти. Он был очень разный, этот сперва красавец-мужчина, потом нервный вспыльчивый юноша, потом угловатый, совсем некрасивый мальчик. Но кем бы он

ни был – в любую минуту жизни он оставался добрым. Это было главное свойство натуры: то скрытая, то выпирающая наружу, но никогда не отменяемая доброта – и в гневе, и в радости, и в печали, и в ликовании...

– С прошлым у тебя благополучно, – произнес Ронна, и изображение пропало. Аркадий по-прежнему всматривался в гладкую поверхность зеркала, но оно, уже ничего не отражая, вдруг стало потухшим экраном. Ронна продолжал: – Переключаю на будущее. Полюбопытствуй, кем ты способен стать.

Теперь Аркадий знал, какие изображения дает зеркало, и не удивился, когда снова появился таким, каким сидел в кресле. Изображение стало ощутимо стареть. На переходе от завершенной взрослости в начинающуюся старость изображение замерло. Из зеркала глядел мощноголовый представительный мужчина, в его волнистых волосах посверкивала седина, он теперь походил и на капитана Анатолия Кнудсена, а еще больше на грозного бога Хроноса, висевшего над головой Кнудсена. С минуту Аркадий разглядывал себя, взиравшего из будущего на себя нынешнего, а затем изображение стало меняться. Он оставался тем же, но какая-то огромная ответственность придавила плечи, сделала хмурым лицо. И снова в калейдоскопе сменявшихся изображений зеркало не показало ни злобы, ни иссушающей душу ненависти. Он был суров, но по-своему, по-суровому доброжелателен, – таким увидело необыкновенное зеркало будущего Аркадия Ники-

тина.

– Готово! – сказал Ронна словечком земного фотографа, разрешающего вернуться от парадной позы к обыденности.

– Неужели я и вправду буду таким? – воскликнул Аркадий, вскакивая с кресла.

– Будешь, если будешь, – темно ответил Ронна.

– Как понимать – буду, если буду?

Ронна разъяснил, что проникновенное зеркало изображает возможности тех, кто садится перед ним. И оно моделирует обстоятельства, при каких внутренние потенции способны осуществиться: предсказывает поведение согласно характеру. Однако возможности не всегда реализуются. Удар камнем, налетевшая в бурю волна, пожар в доме, нападение врага и, конечно, разрыв связи времен в организме – и нет будущего. И не станут реальностью потенции, которыми так богат.

– Надеюсь, потенций преступника во мне ваше сверхпроницательное зеркало не обнаружило? – со смехом поинтересовался Аркадий.

Нет, в характере хроноштурмана Аркадия Никитина преступные тенденции отсутствуют. Возможность стать злодеем столь маловероятна, что злодеем ему не быть.

– Твоя очередь прозеркалиться, пришелец Михаил Бах, – объявил Ронна.

Знаменитый на Земле академик Михаил Петер Бах с интересом ожидал, что же откроет ему необыкновенное зерка-

ло, чего бы ни сам он о себе, ни другие о нем не знали. Садясь в кресло, он предвкушал удовольствие от знакомства с собой незнакомым, готовился к раскрытию таящейся в нем неведомой подспудности. Но зеркало не раскрыло никаких тайн. Оно показало, что этот человек, археолог Бах, в сущности своей точно таков, каким предстает в явлении. Он был всегда един и целостен – и в детстве, и в молодости, и в нынешней зрелости – и будет таким же в славной старости, если до нее доживет. Зеркало изображало неутомимого путешественника – «работаю ногами и головой одновременно, такое наше дело», – говорил он о себе, посмеиваясь. И в грядущем живописало седого, подвижного старичка, веселого и вдумчивого. Старичок глядел умными глазами на себя, сидящего в кресле, жарко и убежденно – не произнося ни слова – что-то доказывал и сердился, что доказательство недоказательно. Миша Бах, так его называли в молодости, так он именовался у друзей, достигнув научных высот, таким же Мишей Бахом подойдет к неизбежной могиле, не обретя имени солидной.

Бах, однако, почувствовал себя жестоко обиженным. Среди его многочисленных научных успехов был один, последний, значительнейший, поразительная находка, самое удивительное открытие, какое совершила археология за многие века своего существования. Нет, не просто интересная находка, не просто археологическое открытие, а переворот в воззрении человечества на собственную историю, переме-

на представлений о развитии всей Вселенной – он и такой огромной формулы не побоится. Разве это его последнее открытие не породило споры на всей Земле, разве не оно вызвало снаряжение еще не бывалой экспедиции в миры искривленного времени, разве не для его проверки сконструировали и оснастили трансмировой лайнер «Гермес», свободно меняющий в любом уголке мироздания ток физического времени? И вот – и намека нет на величайший подвиг его жизни! Зеркало показало улыбки и гримасы, ноги, неутомимо шагающие по пустыне, карабкающиеся по скалам, морщины на стареющем лице – мелочи, ерунду, а не единственно важное – великое его открытие.

И оскорбленный Бах хмуро заметил, поднимаясь из кресла:

– Маловато раскрывает тайн ваше волшебное зеркало, Ронна.

– Вполне достаточно, можешь мне поверить, – ответил дилон. – Ты один остался, Асмодей.

Асмодей с готовностью уселся в кресло. Он сразу захотел и зеркало отразило это – хохот был важной характеристикой киборга. Еще Асмодей покривлялся, наставив на зеркало рожки, изрядно высовывавшиеся на кудлатой голове, лязгнув зубами, выбросил, поднатужась, облачко дыма из ноздрей, но ничего из этого не отразилось в зеркале. Зато оно как бы распахнуло его по груди и развернуло туловище. Асмодей покоился в кресле, застегнутый на все сочле-

нения своего любимого обличья № 17, помеси древнего аристократа и получиновного беса, а в зеркале показывался умело смонтированными переплетениями аккумуляторов, емкостей, проводов и живых тканей. Затем побежали обличья – кентавр, змея, тигр, человек (то мужчина, то женщина). А после возник лабораторный стенд, и на стенде лежало все то, из чего монтировался киборг. Напоследок зеркало отразило коренную сущность киборга – таблицу цифр и знаков, цифры и знаки сочетались в формулы – программы поведения при разных обстоятельствах.

– Ты ясен, Асмодей, – произнес Ронна, и зеркало превратилось в тусклый экран.

– Вы не полюбовались моими эмоциями, – с сожалением сказал Асмодей. Мне ведомы все пять человеческих чувств – зрение, обоняние, слух, вкус и осязание; я в них тоньше и острее, чем люди, можешь не сомневаться. Только шестого чувства – любви к особи другого пола – не получил, ибо я внепол. Подчеркиваю, не бесполоый, а внеполоый. И это, скажу тебе, дилон, мое преимущество, ибо ни страдания неудовлетворенной любви, ни рабское угождение объекту...

– Знаем, знаем, – успокоил его Ронна. – Формулы твоих чувств внушают уважение, ибо составлены с умением и благородством.

– Но вы не посмотрели меня в будущем, – настаивал киборг. – Разве вам не интересно, каким я предстану в грядущем?

– С тобой все ясно, – повторил дилон. – В будущем ты будешь таким же, как в настоящем. А если изобретешь еще десяток личин, это не изменит твоей природы. Теперь, пришельцы, мы перейдем в зал Предварения, там вы зададите мне и Уве Ланне все вопросы, которые придут вам в голову. Затем в зале Утверждения вы предстанете перед Старейшинами – Конструкторами Различий и Стирателями Различий. Старейшин возглавляет великий Гуннар Гунна, главный Прорицатель и Утвердитель. Большая честь для вас, гости, появиться перед Вещим Старцем, который будет вас судить.

– Судить? – Аркадий нахмурился. – За какую же вину нас будут судить?

Ронна пояснил, что слово «судить» происходит не от тревожного слова «суд», который он читает в мыслях Аркадия, а также и не от плохого слова «осуждать», которое тоже появилось в мозгу землянина, а от хорошего слова «обсуждать».

– У вас от одного корня простираются противоположные оценки, – заметил дилон. – Это затрудняет расшифровку. Теперь пойдем дальше.

Пятерка шла в прежнем порядке: впереди Ронна, посередине люди, позади Ланна. Аркадий заметил, что Ланна не произнес ни единого слова в комнате с проникновенным зеркалом. Его постоянное молчание раздражало Аркадия. Аркадий обернулся к нему и спросил, долго ли им идти. Ланна вздрогнул, но промолчал и на этот раз.

За Ланну ответил Ронна:

– Мы у входа. – И добавил: – Ланне предстоит доклад перед Старейшинами. И это первый в его жизни доклад. Естественно, он волнуется. Не будем отвлекать его от трудных размышлений.

– О чем он будет докладывать Старейшинам? – поинтересовался Аркадий.

– О вас, пришельцы. – И показав на внезапно открывшийся в сплошной стене туннель, Ронна произнес с торжественностью: – Входите в зал Предварения, гости с Земли.

Вдоль стен пустого зала стояли скамейки. Первым уселся Асмодей. Он совсем не нуждался в сидении, но демонстрировал, что во всем ведет себя как человек. Бах и Аркадий тоже уселись, у них уже болели ноги от блужданий по городу. Рина Ронна показал гостям, что и дилоны умеют сидеть, но не нуждаются для этого ни в креслах, ни в скамейках: выпростав из-под плаща свой хвост, скрутив его кончик в опорное кольцо, он уселся, как на треноге, на хвосте и обеих ногах. Уве Ланна не умел так красиво сидеть на хвосте, он отошел к стене и скромно стоял там, молча поглядывая на людей и стараясь вдуматься в их мысли.

– Задавайте вопросы, – предложил Ронна.

Бах взглядом показал Аркадию, что хочет вести беседу.

– Первый вопрос таков: почему вы не задаете нам вопросов? Мы явились из неизвестного вам мира непредвиденно для вас. У людей раньше расспрашивают гостей о цели их прихода, потом лишь отвечают на их вопросы.

Ответ Ронна прозвучал неожиданно:

– У дилонов, наоборот, до всего доходят собственным размышлением. Именно о цели вашей высадки на Дилону и размышляет сейчас проницательный Различник Уве Ланна. Уверен, вы будете восхищены глубиной, с какой Ланна обрисует в своем докладе ваши намерения и цели.

– Разве не проще узнать намерения и цели от нас самих?

– Возможно, и проще. Но оскорбительно, ибо равнозначно унижению своего интеллекта, мощи своих познавательных умений. Истинное знание достигается активным движением мыслей, а не накоплением знаний пассивными вопросами.

Академику Михаилу Баху понадобилась почти минута, чтобы переварить ответ дилона. Тот спокойно ожидал, пока человек справится с замешательством.

– Мне кажется, вы впадаете в противоречие с собственной практикой, сказал наконец Бах. – Вы как будто умеете использовать законы природы, но ведь для этого надо раньше узнать эти законы, то есть задавать учителям вопросы и получать ответы.

– Мы сами открывали законы природы, пришелец. Каждый дилон обязан в молодости самостоятельно найти и обосновать хоть один из важных законов мироздания. Наш друг Уве Ланна открыл, что тело, погруженное в воду, теряет в своем весе столько, сколько весит вытесненная им вода. И с каким блеском он опроверг Опровергателей, старавшихся доказать неправильность этого закона. А я в свои юные годы открыл закон мирового тяготения.

– Неужели другие до вас не знали закона всемирного тяготения?

– Ты меня поражаешь, пришелец. Конечно, все знают. Но кто же признается в таком – от других – знании? Кто откры-

то обвинит себя в неспособности к постижению мира? Иные дилоны имеют до сотни собственных законов мироздания – и это не предел. Открытые дилоном в молодости законы природы определяют всю его дальнейшую жизнь. Закон мирового тяготения, найденный и обоснованный мною, внесен в мою личную Программу Судьбы как фундамент для взрослости.

– Я не совсем понимаю тебя, Рина Ронна...

– Но ведь это так просто! Каждый открывает те законы мироздания, которые близки его натуре. В обоснованных закономерностях природы выражается душа, жизненные цели. И когда юноше приходит пора утверждать свою взрослость, составляется его Программа Судьбы, то есть система жизненных целей и методов их осуществления. И в той Программе находят свое место открытые им фундаментальные законы.

– И в твоей Программе нашел место Закон всемирного тяготения?

– Естественно! Ибо о чем твердит этот закон, так блестяще мной открытый и защищенный от критики Опровергателей? О том, что все различия материальных тел поглощаются общим им всем свойством – притягиваться одно к другому. И когда я доказал, что это всеобщее взаимное тяготение усиливается пропорционально массе тел и обратно пропорционально квадрату разделяющего их расстояния, моя судьба была решена: я стал Стирателем Различий. Моя Програм-

ма Судьбы была однозначно решена одной моей научной находкой. Элементарно, не правда ли?

– Ты упомянул Опровергателей. Это что же, общественная функция опровергательство? И в чем оно заключается? В критике законов природы?

– Отлично, пришелец! Хоть и примитивным способом вопросов и ответов, но ты начинаешь нас постигать. Конечно, Опровергатели критикуют законы природы, это их обязанность в юном возрасте. Все дилоны проходят стадию Опровергательства, но далеко не все превращают умелое опровергательство в главную задачу своей будущей Программы Судьбы. В юном возрасте каждый подбирает достаточно важный, лучше свой, но можно и открытый другими закон природы и опровергает его – то есть изыскивает условия, при которых этот закон перестает действовать или даже превращается в свою противоположность. Разве у вас формой познания природы не является опровержение ее законов?

– Нет, у людей законы природы не опровергают. И, честно говоря, я не понимаю, как можно опровергнуть закон мирового тяготения, открытие которого ты закрепил за собой?

– Не закрепил за собой, а просто открыл. Нет одного автора закона мирового тяготения. Тысячи до меня открывали этот закон – и тысячи после меня откроют его. Не только откроют, но и опровергнут, его опроверг Уве Ланна, когда был моим учеником. Он отыскивал условия, когда всемирное тяготение совсем перестает действовать или ослаб-

ляется. И как превосходно решил свою задачу! Разве не вес тела является важнейшим параметром тяготения? И разве, погружая тело в воду, он не ослабляет вес? Создавая невесомость, он творит условия, при которых тела теряют самые общие свойства. Такое искусство творить различия там, где они уже стерты в поглотившем их единстве, и стало главной чертой Программы Судьбы Уве Ланны: он сдал экзамен на высокий чин Сына Конструкторов Различий, он ныне – один из выдающихся наших Различников. Вы скоро оцените его по достоинству, когда в зале Утверждения услышите его доклад о вас самих.

– С удовольствием послушаем. Хотя, повторяю, люди не стремятся критиковать законы природы, тем более, не опровергают их...

– Это означает, что вы не умеете строить свою защиту, – заметил дилон. – Ведь враги нападают, используя законы природы. Не будете же вы применять против них использованные ими законы. Это было бы безнравственно.

– На наших планетах у людей нет врагов. Попадаются опасные животные, но они нам не враги.

Рина Ронна вдруг рассердилась.

– Чудовищно жить без врагов! Аморальное существование. Враги необходимы для обострения разума и утверждения собственного достоинства. Если врагов нет, их надо изобрести. Изобретение врагов составляет одну из прерогатив Конструкторов Различий.

– И много времени они посвящают конструированию врагов? – не без иронии поинтересовался академик.

– В нашу эпоху немного. Теперь нам врагов хватает. Наши враги рангуны, обитатели второй половины планеты. Эти бессмертные твари с избытком удовлетворяют любую потребность во вражеском противостоянии. В других врагах нужды нет. Мы при вашем явлении, конечно, поразмыслили, не враждебные ли у вас цели. Но ничего враждебного не обнаружили.

– И не могли обнаружить, – подтвердил Бах. – Мы странствуем в мире в прямом и фазовом временах с миссией дружбы, а не вражды. Таково наше человеческое свойство.

В разговор вступил молчавший до того Аркадий:

– Прости, Ронна, примитивность моего интеллекта, но люди не мыслят познания без вопросов, ответа на которые собственным рассуждением не находят.

– Прощаю. Спрашивай.

– Я астрофизик. Меня интересуют закономерности мироздания. Мы повернули к вам наш хронолет, потому что обнаружили удивительное явление. Ваши две звезды существуют в разных физических временах – та, которую вы называете Гаруной Белой, функционирует во времени, практически противоположном времени Гаруны Голубой. Так?

– Так, но не так. Прекрасная Гаруна Голубая существует во времени истинном, но слабом, интенсивно подавляемом зловещей Гаруной Белой. Гаруна Белая функционирует во

времени лживом. Это время наших врагов рангунов. Продолжай, иновременник.

– Почему ты называешь нас иновременниками? Ведь физически мы пребываем с вами в одном и том же времени.

– Только в данный момент. Ваш корабль, приближаясь к Дилоне, возник сразу из ничего. Он выпрыгнул из пустоты. Он не вырос из крохотной точки в большое тело, как было бы при подходе издалека. Не приближался, а материализовался. Так могло быть, если ваш корабль возник не из иного пространства, а из иного времени.

– Правильный вывод. Еще вопрос: дилоны и рангуны пребывают в разном времени. Как это сказывается на жизни дилонов и рангунов?

– Вопрос дельный. Жалко, что ты не хочешь самостоятельным ходом мыслей найти на него ответ. Ибо ответ мой будет печален.

Ответ Стирателя Различий походил не на справку, а на речь. По древним преданиям, существовала только одна Гаруна, и вокруг нее вращалась только одна планета Дилона, и обе они, звезда и планета, существовали в едином времени. И жители составляли один народ, также пребывавший в одном времени. Затем откуда-то примчалась вторая звезда. Физическое время новой звезды не совпало со временем первой. Один ток времени путался с другим током, на планете заметались хроновихри. То одна, то другая звезда, притягивая к себе планету, внедряла в нее свое время – и это по-

рождало великие трудности. На стороне Дилоны, захваченной рангунами, периодически воцаряется то время Гаруны Голубой, то время Гаруны Белой. Отвратительные рангуны впадают то в одно время, то в другое. Им удалось использовать эту неполадку для превращения своей жизни в бессмертное существование.

– Ты сказал – бессмертное существование, Ронна?

– Я сказал – бессмертное существование, друг иновременник. Рангуны смогли растянуть свое бытие на полный период одного из двух времен. Рангун теперь начинает свое детство, когда полновластно господствует время одной из двух звезд, взрослеет в этом времени, начинает стариться в нем – и тут одолевает время другой звезды. И стареющий рангун, не успев умереть, переходит в обратный ток времени, и вместо заслуженной гибели от старости – молодеет, пока не превращается снова в ребенка. А к моменту младенчества время опять меняет свой ход, и рангун повторяет путь в обратную сторону.

– Ты сказал, что ответ твой будет печальным. Тебя печалят качели бессмертного бытия рангунов?

– Нет, нас одолевают собственные недуги. У нас нет периодической смены времен, как на другой стороне планеты. У нас властвует прекрасное время красавицы Гаруны Голубой. Но на него накладывается влияние яростной Белой Звезды. Не периодическая смена, а схватка разных времен – вот наша реальность. И от этого нарушается синхронизация в на-

шем теле. Это тяжкая хворь, человек. Нет большей беды, чем разрыв в тебе твоего единого времени. Иногда мы справляемся с недугом путем перевоплощения – заменяем выпавшие из синхронности органы на другие, естественные либо искусственные. Но и перевоплощение дает лишь временное облегчение. Несинхронизация времени – единственная наша болезнь, и в ней неисчерпаемый источник печали.

Аркадий обернулся к Баху.

– Миша, после твоей археологической находки все мы были покорены идеей, что где-то в глубинах космоса существует Высший Разум – общество инженеров и генотворцов, умеющих распространять по разным звездным системам создания, похожие на нас по образу и интеллекту. В космосе наши звездопроходцы таких жизнесоздателей не обнаружили. Теперь и в фазовом времени...

Рина Ронна, Стиратель Различий и Дешифратор, радостно прервал Аркадия Никитина, штурмана хронолета «Гермес»:

– Иновременник! Вы попали, куда стремились. Дилоны – воплоители Высшего Разума. Глубже нас немислимо познать природу и себя. Ты это сразу поймешь, когда предстанешь перед собранием Старейшин. Высший Разум мироздания, воплотившийся в Отцах Различниках и Отцах Стирателях, а также частично в Братьях Дешифраторах, изобразит вам самим, пришельцы, кто вы по своей сущности, а не только по облику.

Люди вошли в круглое помещение с четырьмя амфитеатрами, с таким же черным, пропадающим в незримости потолком, как в двух других залах, с такими же излучающими мягкое сияние стенами. В одном из амфитеатров всего на три ряда кресел – восседало двенадцать дилонов в малиновых плащах, четверо в каждом ряду: Отцы Конструкторы Различий, протелепатировал людям Ронна. На втором амфитеатре, напротив первого, заседало двенадцать дилонов в фиолетовых плащах – это были Отцы Стиратели Различий. А в боковом амфитеатре разместились шесть дилонов в зеленых плащах и еще шесть в желтых – Братья Дешифраторы и Братья Опровергатели: первые – справочные кладези знания, вторые – начальники боевых башен, готовых в любой момент отразить любое нападение рангунов, как с уважением обрисовал Ронна их общественную функцию.

Четвертый амфитеатр, напротив Дешифраторов и Опровергателей, предназначался для обсуждаемых. Для обвиняемых, – подумал по старинной земной терминологии Аркадий, но тут же поправил себя, вспомнив, какое различие провёл Ронна между обсуждением и осуждением. В первом ряду пустого четвертого амфитеатра уселись трое хронавтов, рядом Ронна и Ланна. Ронна вручил людям небольшие шарики, чтобы вставить в уши: посредством таких шариков Братья

Дешифраторы переведут мысленную речь дилонов в человеческую. Асмодей немедленно запихнул шарики в оба уха и радостно хохотнул: ему нравилось, что к его богатейшей дешифраторской аппаратуре для всех языков и кодов добавились и эти забавные белые шарики. Бах с Аркадием не торопились вставлять шарики в уши: в зале Утверждения стояло молчание. Малиновые, фиолетовые и зеленые Воплотители Высшего разума не двигались и не разговаривали, только в семьдесят два глаза всматривались в тех, кого собирались обсуждать.

Хрононавигаторы быстро обнаружили, что дилоны в одном амфитеатре, непохожи на восседавших в другом. Дешифраторы и Опровергатели, как и Ронна с Ланной, тоже были собаковидны – вытянутые рты, высокие уши, торчком стоящие на голокожей голове. Лишь розовая кожа щек, способность улыбаться и выпуклые умные глаза сближали их облик с человеческим. Зато Конструкторы Различий гораздо больше напоминали человека, только пещерного – выпяченные губы, скошенные лбы, глубоко посаженные глаза. И вовсе иными выглядели Стиратели Различий: у каждого львиная, а не человечесья и не собаковидная голова, огромная, тонущая в пышной гриве зеленых волос; острые светлячки глаз...

Понимая, что показывает свою примитивность, расспрашивая там, где надо бы достичь понимания собственным рассуждением, Аркадий все же обратился к Ронне с вопро-

сом: почему Старейшины так различны? Не связан ли их облик с выполнением государственных функций? Не подбирают ли в Дешифраторы и Опровергатели только собако-головых, в Конструкторы человекообразных, а в Стиратели – львиноликих? Ронна с любезностью разъяснил, что удивляется наивности людей, так странно совмещающих остроту мысли с непониманием простейших явлений. Конечно же, облик связан с государственными функциями. Но не он определяет сан в иерархии, а, наоборот, полученный ранг вызывает перемену облика. Так и он, Ронна, пока Сын Стирателя, выйдя в следующий ранг Отца Стирателя, переменит свою собаковидность на львообразность. Операция естественная, не так ли?

– Простая и каждому понятная, – подтвердил Аркадий.

Один из Стирателей выделялся высоким ростом и величавостью, волосы в его зеленой гриве отливали желтизной. Ронна протелепатировал, что перед хронавтами глава Стирателей Различий, Старейшина всех Старейшин Гуннар Гунна. И если бы он стал перечислять все открытые Вещим Старцем законы мироздания и общества, все отличия, чины, саны и ранги, приобретенные Гуннаром Гунной за долгое пребывание в иерархии, то у гостей из других миров не хватило бы ни прямого, ни кривого, ни фазового времени, чтобы уложить все эти сведения в своей голове.

Гуннар Гунна начал заседание Старейшин, как принято у людей, вступительным словом.

– Слушаем дело о гостях из иных миров. Первый доклад поручен молодому Конструктору Различий Уве Ланне. Он общался с пришельцами с момента их появления на Дилоне. Будьте к нему благосклонны.

Уве Ланна поднялся, люди и киборг уселись боком, чтобы глядеть на докладчика. Ланна волновался – нервно удлинялись и сокращались руки, тело подергивалось, голова подрагивала на шее. Но в мыслях путаницы не было – и Бах, и Аркадий с удивлением обнаружили, что молодой Различник рассуждает логично. От молчаливого спутника, постоянно погруженного в какие-то размышления, они не ожидали такой свободы мыслиезъявления.

Над Дилоной, докладывал Уве Ланна, появился чужой корабль. По мощности – звездолет, по типу – хронолет, способный пересекать мировые потоки времени и менять течение своего собственного корабельного времени. Хронолет сделал несколько облетов планеты, выбирая место для посадки. Проклятые рангуны и низменные хавроны, их воины и операторы, пытались посадить корабль на своей стороне, но хронолет игнорировал их вызовы. В полете над планетой он вначале лишь частично материализовался в двух местных временах и виделся в каждом скорее призраком, чем вещественно. Овеществившись в нашем времени, корабль опустился в районе Голубой Роши и попал под опеку охранных маяков. В момент спуска пришельцев обстреляли рангуны. Охранным маякам удалось лишь незначительно ослабить удар ран-

гунов, зато корабль собственными средствами легко отразил нападение.

Для предотвращения новых атак корабль прикрыл себя оптическим щитом и впал в невидимость. Наблюдения показали, что у хронолета надежна защита от оптики, ядерных частиц, гравитационных волн и колебаний времени. В лучах роторного прожектора он прозрачен. И, нет сомнения, удар роторных орудий отразить неспособен. К счастью, у рангунов нет роторных аппаратов.

Экипаж хронолета «Гермес» состоит из пяти особей, продолжал Уве Ланна. Четверо – естественной природы, пятый – искусственник. Естественники именуют себя людьми, каждый обладает еще характеризующим названием, приставляемым к кличке «человек».

– Перечисляю их в порядке замеченного различия рангов: человек, он же хронофизик, он же капитан, Анатолий Кнудсен; человек, он же академик, он же археолог, Михаил Бах; человек, она же женщина, она же геноинженер, она же геноконструктор, она же Мария Вильсон-Ясуко; человек, он же хронофизик, он же хроноштурман, он же Аркадий Никитин; и, наконец, киборг, он же Асмодей, он же «конструкция опытная многоцелевая на двадцать четыре основные функции и девятнадцать обликов с обертонами».

Пришельцы, рассуждал Уве Ланна, отдаленно напоминают дилонов, но при разработке конструкции людей допущены серьезные просчеты. Недоработка тела: короткие, негиб-

кие руки, слабые ноги, отсутствие хвоста, неповоротливая шея – даже поворотота на ней не сделать голове, – полная неспособность удлинять руки и шею; хотя биоинженеру, конструировавшему людей, наверняка было понятно, что подобная омертвелость органов в однажды заданном размере серьезно осложняет функционирование организма в меняющихся условиях. Трагична нехватка жизненных запасов в теле. Людям вечно не хватает воздуха, они вынуждены непрерывно дышать, хотя вмещение в тело хотя бы суточного запаса воздуха составляет вовсе не сложную биоинженерную задачу. Но не только воздуха не хватает людям, они испытывают частые позывы к еде и питью: трижды в сутки возобновляют в теле запасы пищи и воды. И несмотря на такое постоянное пополнение воздухом, пищей и жидкостью, людьми овладевает порой внезапное бессилие, они тогда впадают в неподвижность, равнозначную короткой смерти. Это непростительное действие, отнимающее у каждого добрую треть его жизнеактивности, они называют сном. И что всего удивительней, незаметно, чтобы впадение в ненужный сон серьезно огорчало их. Еще несовершенней человеческие методы взаимной информации. Их мозг, как и наш, генерирует отдельные мысли, хотя способность к длительной мыслительной концентрации остается под сомнением. Каждой мысли, как и у нас, соответствует свое мозговое излучение. Но оно так слабо, что не передается из мозга в мозг непосредственно, ибо экранируется черепной коробкой. И

вместо того, чтобы ослабить поглощающую силу черепа либо существенно усилить энергию мыслиеизлучения, конструкторы человека возложили донесение мыслей на звуки, совершаемые ртом попутно с мыслиеизлучением. Это равносильно тому, как если бы они пытались почесать ухо не рукой, а ногой (хотя, по нашим наблюдениям, ногами люди своих ушей не чешут). И последнее. Чудовищно короток их жизненный срок. Люди в их времени живут не больше ста лет, что при пересчете на наше время дало верхний предел жизни, примерно в десять раз меньший, чем у дилона. В пределах такой короткой жизни, да при несовершенной телесной конструкции, да при неэффективных методах общения – ни один человек не способен совершить чего-либо по-настоящему выдающегося. Наш общий вывод таков: модель организма, именуемого человеком, выполнена по проекту поспешному и примитивному.

Гораздо совершенней киборг Асмодей, продолжал докладчик. В этой модели видится разумная программа. Но киборг разработан лишь как дополнение к человеку, ибо в него не внедрено стремление к самовоспроизводству. В результате всестороннего размышления мы пришли к заключению, что и людей, и киборгов создали одни и те же биоинженеры, но раньше людей, а потом киборгов. И, сообразив, насколько неудачна первая модель, попытались исправить недоработки в новой конструкции. Остается неразгаданной проблема, почему творцы людей и киборгов вообще не уничтожили

свою первую несовершенную модель, то есть людей, и не заменили их полностью второй, более удачной моделью. Этот странный факт сохранения людей при наличии более совершенных асмодеев вызывает обоснованные сомнения в профессиональном умении и моральном уровне биоинженеров, создавших людей и киборгов.

– Перехожу к цели посещения людьми и киборгами прекрасной планеты Дилоны, – продолжал Уве Ланна. – Это, несомненно, труднейшая из загадок, порожденных появлением пришельцев. Первые попытки высветить ее дали неоправданный разброс ответов. Но в результате сложной серии вычислений, а также длительных эффективных раздумий мы готовы предложить Высокому Суду ровно восемнадцать возможных целей прилета к нам пришельцев из иного времени.

Аркадий со смехом прошептал Баху:

– Мы с тобой интеллектуально и конструктивно недоработаны, но все же не стали бы при помощи математики допытываться о цели прилета, а просто спросили бы: «Зачем прибыли?» И вместо восемнадцати ответов получили бы один, но он удовлетворил бы нас больше, чем восемнадцать.

Бах ответил:

– Вот ты и доказал свое несовершенство. Уверен, что, выслушав восемнадцать ответов на один вопрос, мы узнаем о своих намерениях многое, о чем сами не подозревали. Между прочим, в той критике, которой молодой Различник Уве

Ланна подверг телесные недостатки человека, содержится много правды. Ты не находишь?

– Молодой! После того, как он сравнил пределы жизни людей и дилонов, я начинаю думать, что в его молодости содер­жится больше лет, чем у любого нашего старика. А что до критики несовершенств человеческого организма, то точно такую же критику мы с тобой слышали от Марии, когда она демонстрировала нам на Латоне свое лучшее творение – Асмодея. Просто удивительно, до чего совпали их рассу­ждения.

Уве Ланна в это время, нумеруя, перечислял причины прилета пришельцев.

Первая причина – авария. Повреждение хронодвигателей забросило иновременников в поток времени, куда они не собирались проникать. Эта причина недостоверна, ибо роторное просвечивание не показало и намека на какие-либо разрушения в хронолете.

Вторая причина – желание вмешаться во вражду дилонов и рангунов. Очень маловероятно, ибо от рангунов чужой корабль увернулся, а от дилонов пытался опасно экранироваться силовыми щитами.

Третья цель – попытка завоевания Дилоны для колонизации ее людьми или киборгами, народом искусственников, по всему, ныне более многочисленному на их далекой Земле, чем люди. Такую цель нельзя исключить, хотя неисполнимость ее очевидна и разуму, далекому от Высшего.

В-четвертых, похвальное желание, которое на примитивном языке людей называется «поучиться уму-разуму». Цель осуществима, но трудна в силу интеллектуальной ограниченности людей.

Остальные четырнадцать возможных причин появления пришельцев, приведены в сводной таблице, где каждая дана с вероятностью до тысячных долей – более точная оценка недостижима из-за расплывчатости исходных данных.

На потолке засветился экран, на нем вспыхнули знаки и цифры. Бах деловито поинтересовался у Ронны, почему среди восемнадцати причин прилета не упомянуто стремление к знанию, потребность распознать неопознанное.

Ронна разъяснил:

– Этой цели приписана нулевая вероятность. Она включена как теоретический довесок в практическую потребность «поучиться уму-разуму».

– Это не одно и то же, – возразил Бах.

Заключение Уве Ланны было пессимистично. Люди мало пригодны для общения. Чрезмерность конструктивных недоработок в их организмах и несовершенство интеллекта не позволяет им встать вровень с дилонами. В качестве временных гостей их принять можно, в качестве постоянных сожителей – нет. Кораблю, странствующему в разных потоках мирового времени, надлежит покинуть планету.

Ланна сел. Старейшина Гуннар Гунна возгласил:

– Поблагодарим молодого Различника за воодушевляю-

щее сообщение. Второй доклад сделает Сын Стирателей Различий и Брат Дешифратор Рина Ронна. Пожелаем успеха и Рина Ронне.

Рина Ронна, встав, преобразился. Огонь лился из его глаз – они, как и у Старейшины Старейшин Гуннара Гунны, уже не только светились, но и освещали. В каждом движении удлинившихся рук, в каждом резком повороте головы на свободно крутящейся шее ощущался огонь. Тут и Бах, и Аркадий узнали, как развито у дилонов искусство спора и как мастерски пользуются им называющие себя Стирателями Различий. Ронна не отвергал фактов, отмеченных Уве Ланной, только ограничивал их – смягчал выводы, а не исходные положения. Конструктор Различий безошибочно установил десятки отличий людей от дилонов, Стиратель Различий столь же безошибочно доказывал, что они не могут стать препоной для дружеского общения людей и дилонов.

– Да, конечно, люди и конструктивно недоработаны, и силой интеллекта уступают дилонам, и их передача мыслей несовершенна, и срок их жизни печально невелик. Но что из того? Разве мы обречены общаться только с полноценными представителями Высшего Разума, подобными нам самим? Разве наши дети интеллектуально и физически равноценны взрослым дилонам? И разве жизненный срок детства не меньше вдесятеро полного времени бытия дилона, включающего в себя и краткое детство, и продолжительную взрослость, и непродолжительную старость? Так примем лю-

дей как существа, пребывающие в нашем интеллектуальном и физическом отрочестве. Пусть они станут для нас нашими инодетьми из дальних миров. Ибо ни одно из справедливо очерченных различий людей от дилонов не способно стать причиной вражды.

– И последняя проблема, – продолжал Рина Ронна, – цель прилета инновременников на Дилону. Мы узнали восемнадцать мотивов их появления у нас. Но общая сумма вероятностей всех целей прилета составляет всего ноль целых шестьдесят одну сотую. Лишь немногим больше половины достоверности! Предлагаю поэтому Дешифраторам и Различникам продолжить свои глубокие изыскания, а Старейшинам не класть в основу своих решений мало достоверные предположения о целях появления пришельцев.

Рина Ронна, закончив доклад, продолжал стоять. Встал и первый докладчик. Аркадий поглядел на Баха – не следует ли теперь встать и им? Бах сказал, что пока дилоны прямо этого не велят, он и не подумает подниматься. Трое землян продолжали сидеть, ожидая приговора Высокого Суда, а над ними, молчаливые и неподвижные, возвышались во втором ряду четвертого амфитеатра два докладчика – Различник Уве Ланна и Стиратель Рина Ронна.

В зале простиралось каменное молчание. Все Старейшины пребывали в неподвижности. Люди понимали, что молчание только кажущееся, реально Старейшины в это время обмениваются мыслями и, возможно, спорят, только людям

не переводят свои соображения и споры.

И когда, по мнению Аркадия, молчание слишком уж затянулось, до них донеслись слова Гуннара Гунны. Вещий Старец все так же недвижно сидел в первом ряду первого амфитеатра, ни малейшее движение не трогало его губ, а в сознание людей внедрялся приговор:

– Считать отличия пришельцев от дилонов второстепенными и принять иноплеменников как дорогих гостей. Предлагаю также двум пришельцам, оставшимся на хронолете, выйти в город для радостного знакомства с нами. Благодарю докладчиков и Высоких Судей.

Даже в бесстрастном переводе мысли на человеческий язык было явно, как обрадовался Рина Ронна:

– Теперь вы – наши друзья! Поняли мощь мысли Верховного Воплотителя Высшего Разума? Как он постиг вас! Как постиг!

К удивлению хронавтов радовался решению Высокого Суда и Уве Ланна, предлагавший изгнать людей с Дилоны. Он все повторял, вдруг изменив своей молчаливости:

– Я так счастлив, инновременники! Я боялся, что Высокий Суд согласится с моими доказательствами – и изгонит вас. А он не согласился – большей удачи я и не желал себе!

Бах обратился к Ронне:

– Не мог бы я поговорить со Старейшиной Старейшин Гунной?

Ронна подвел хронавтов к Вещему Старцу.

– Хотел бы задать несколько вопросов, – начал Бах.

– А не кажется ли тебе, что ты мог бы, поразмыслив, и сам высчитать ответ на интересующий тебя вопрос? – дружелюбно поинтересовался Старейшина Старейшин. – Ведь выспрашивание вместо самопостижения унижает Высший Разум.

Бах ответил с живостью:

– У людей выспрашивание не считается зазорным. Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо. Итак, мой первый вопрос. Почему так разделены функции Различников и Стирателей? Разве для познания любой истины не достаточно ее отличия от всех других истин, тем более от заблуждений? Если дважды два четыре, а четыре – это не три, не десять, не козел с рогами и не сапоги всмятку, то зачем еще подвергать такую непреложную истину дополнительной проверке на достоверность?

Старейшина Старейшин ответил, что ему не совсем ясна разница между козлом с рогами и сапогами всмятку, о чем так красиво сказал иноплеменник, эта разница требует особого размышления. Но отличие четырех от трех и, тем более, от десяти нестираемо и потому должно быть утверждено. Но далеко не всегда возможны такие простые решения. Бывало в истории Дилоны, когда поверхностно установленные причины приводили к вредным действиям. Так возникла ужасная война между дилонами и рангунами, а ведь ее могло бы не произойти, если бы проанализировали на стира-

емость разделившие оба народа расхождения. Без утверждения стираемости ни одно различие не может быть принято, как реальное.

– Критический подход, достойный Высшего Разума. Вы назвали войну между дилонами и рангунами ужасной, а мне объясняли, что существование без врагов на Дилоне считается аморальным, ибо без этого нельзя обострить разум и утвердиться в собственном достоинстве. И что изобретение врагов является одной из прерогатив Конструкторов Различий...

Баху показалось, что на какую-то земную минуту Гуннар Гунна испытал замешательство. Но он не без основания считался Верховным Воплотителем Высшего Разума.

– Да, враги нужны. В смысле – противники. Именно такими противниками предстают между собой Различники и Стиратели. Их противоборство высветляет глубину познания. Но заметь, иновременник: противоборство, а не война. Борьба, а не истребление. Опровержение, а не убийство. А наша война с рангунами, когда-то начавшаяся как взаимное противоборство мнений, давно преобразовалось в схватку на гибель. Ужасная война! Ты был свидетелем, как рангуны пытались резонансными ударами через толщу всей планеты разрушить наш город. Что в этом хорошего? Меня охватывает глубокая печаль, пришелец, когда я думаю о том, что рангуны непрерывно совершенствуют свои резонансные механизмы, а ведь никакому совершенствованию нет предела.

А если им удастся поставить себе на службу околополюсные хроновороты? Поразмысли, иновременник: хроноворот, выпущенный из своих диких пустынь! Да он же истребит все живое! Моя должность – провидение. Провидца не может не терзать страх перед грядущим. Этот страх – единственная гарантия того, что ужасы не выйдут за узкие межи возможностей, ибо страх принуждает искать средства опровержения его.

Даже в словесном переложении этой мысли ощущалось, что сердце Вещего Старца поражено великой печалью. Бах испытывал сочувствие к нелегкой доле Главного Провидца. Ему, однако, показалось, что есть вариант, которого не нашел Старейшина Старейшин.

– Итак, война длится долго и приносит массу горя обеим сторонам, но разве нельзя завершить многолетнюю распрю миром?

– К сожалению, невозможно. Чтобы установить мир, нужно стереть причины войны.

– Так сотрите их, черт возьми! Я хотел сказать – с вашим разумом, с вашим умением пренебрегать несущественными различиями...

– Я понял твой благородный порыв, иновременник. Но опровергнуть причины, вызвавшие войну, мы не можем при всем своем, так справедливо тобой оцененном, искусстве Стирания.

– Они так глубоки, эти причины?

– Этого мы не знаем.

– Не знаете причин войны?

– Не знаем. Все было так давно, что и мы, и рангуны забыли, из-за чего началась война. И теперь не способны точно установить, заслуживают ли эти причины сохранения или их можно стереть.

– Вот и отлично! Раз вы не знаете причин войны, то и войны не должно быть. Это же так очевидно!

Старейшина Старейшин протелепатировал с укоризной:

– Иновременник! Как же мы можем прекратить войну, если не опровергнуты породившие ее причины? И как можно опровергнуть их, если не знаем, каковы они? Неужели тебе непонятно, что нельзя уничтожить то, чего нет? А ведь все так просто!

– Та самая простота, которая хуже воровства. Нет, нет, не спрашивайте, что такое воровство, вам этого не понять, у вас этого нет.

– У нас все есть, – с достоинством отпарировал Вещий Старец. – И мы никого не спрашиваем, ибо до разгадки любой тайны доходим мощным усилием своего разума. И легко сами уясним, что такое воровство, о котором ты сказал, что оно лучше простоты, а ведь простота так прекрасна! У тебя еще есть вопросы?

– Последний. При такой мощи мысли вы никогда не пробовали высчитать, сколько ангелов может поместиться на острие иглы? У нас когда-то подобный подсчет считался наи-

лучшей проверкой интеллекта.

Вещий Старец, поразмыслив, объявил:

– Об ангелах я знаю из ваших мыслей. В них дешифраторы обнаружили хорошие слова: «ангельские голоса», «ангельская доброта», «машет крыльями, как заблудившийся ангел», «ангельская наивность». Дешифраторы сделали заключение, что ваши ангелы – крылатые домашние животные, которых вы опекаете и над которыми иногда дружески посмеиваетесь. Но что такое игла не установлено. Трудная проблема иглы потребует размышления.

– Не трудитесь! Вот игла!

И Бах показал вынутую из куртки иглу. У Старейшины Старейшин засверкали глаза от воодушевления.

– Великолепная загадка! Давно мы не анализировали столь увлекательных секретов мироздания. Ручаюсь, инновременник, что только мы способны найти удовлетворительное решение мучительной для людей тайны, сколько ангелов можно разместить на острие иглы. Ты вскоре это узнаешь для всех пород ваших домашних ангелов – двукрылых и четырехкрылых. По некоторым расшифровкам у вас водятся и шестикрылые.

– Водились в сознании древних народов. Их называют серафимами. С тех пор как мы ликвидировали старинные мифы, серафимы перевелись, а вместе с ними и все другие ангелы.

Гуннар Гунна радостно кивнул львиной головой – взмет-

нущаяся грива закрыла его лицо. Могучая копна волос, так сильно отличавшая его от гололобых дилонов, очень шла всему его мощному облику.

– Понимаю. Мифы были у вас вроде загончиков, где вы содержали своих крылатых друзей. В общем, не тревожься, иновременник, наши вычисления будут достоверны. А теперь возвращайтесь на свой корабль вместе с Различником Уве Ланной и Стирателем Рина Ронной. Пусть наши посланцы осмотрят ваш хронолет и разберутся, насколько люди отстали в использовании и опровержении законов природы от воплощений Высшего разума.

Аркадий жестоко бы соврал, если бы сказал, что его обрадовало веление Старейшины Старейшин вести обоих дилонов на хронолет. Такие экскурсии мог разрешить только капитан корабля. Аркадий соединился с Кнудсенем и Марией.

– Вас ждут в гости на нашем корабле, – сказал Аркадий обоим дилонам после разговора с Кнудсенем.

На этот раз они шли по пустой улице. Авиетка стояла где-то в ее конце. Аркадий удивился, что нигде не видно дилонов, и хотел было спросить у Ронны об этом, но вспомнил, что дилоны считают интеллектуально неполноценными тех, кто пристаёт к ним с вопросами, и промолчал – только высказал свое недоумение Асмодею. Киборг ответил, что чувствует какой-то непорядок и в себе, но не может разобраться, что к чему, – его приемники ничего существенного не фиксируют. Бах заметил, что неплохо бы киборгу позаимствовать остроту восприятия у дилонов, тогда бы он смог без специальных приемников и датчиков самостоятельно вычислить смысл любых непорядков. У киборгов обидчивость не была запрограммирована, но Асмодей вдруг огрызнулся, что самоусовершенствованием надо заниматься людям, а не ему – все восприятия у него на порядок острее, чем у человека.

Аркадий бросил взгляд на склонившего голову Ронну и споткнулся. Ронна так вытянула шею и так склонил голову

налево, что она почти падала с плеча. Нижняя челюсть отвисла, глаза потускнели, безволосая голова побелела. Он пугался в шаге, что-то тихонько вывизгивал. Но еще больше испугали Аркадия руки дилона. Он удлинял их, когда хотел в два обвива охватить свою грудь, а сейчас они волочились по грунту, когти на десяти пальцах каждой руки сухо постукивали по камням.

Аркадий схватил Ронну за плечо и заорал:

– Что с тобой?

Ронна приподнял голову. Ретрансляция мыслей в слова шла неровно, через каждые несколько слов прерывалась. И каждую фразу сильнее обычного сопровождало повизгивание:

– Не понимаю... У меня ломит кости... Мутит... Иновременник, постоим... Уве Ланна, где он? Пусть он...

Уве Ланна плелся позади, так глубоко погруженный в мысли, что непорядок в окружающем мире до него не дошел. Он вздрогнул, когда посмотрел на обессилевшего Ронну, и стал тревожно оглядываться.

Аркадий взглянул на небо. С двух сторон зенита сияли по-полднелю роскошная Гаруна Белая и нежная Гаруна Голубая – Аркадию почудилось что-то зловещее в ее ласковом блеске. Аркадий перевел взгляд на ручной передатчик. На экранчике возникло встревоженное лицо Кнудсена.

– Торопитесь к авиетке! Что-то нехорошее вокруг вас, но наши анализаторы пока не дают однозначного ответа.

Аркадий потянул каменно застывшего в трудном размышлении Ронну, но тот лишь с трудом пошевелился. Бах, присоединив свои усилия к усилиям Аркадия, энергично приказал дилону:

– Двигайся, дружище! Бери ноги в руки! Да не толкуй мои слова так буквально, это образное выражение. До чего же вы друзья, неповоротливы и неоперативны!

Асмодей в эту минуту возился с Ланной. Молодой Различник, уяснив себе какую-то опасность, вдруг, как и его старший друг, впал в бессилие. Асмодей взвалил на себя Уве Ланну и побежал вперед. Аркадий с Бахом тянули Ронну, в полной прострации волочившего по камням и ноги и руки. Бах крикнул Аркадию:

– Спешу к авиетке и готовь ее в полет. Я как-нибудь до-тащу этого слабака!

Аркадий оставил Баха с Ронной и быстро обогнал Асмодея.

Авиетка стояла на том же месте, в сторонке покоились два шара дилонов, недавно конвоировавшие хронавтов. Аркадий заколебался – пятерым в авиетке не разместиться, дилонов нужно сажать в их шар. Но смогут ли они, обессиленные, управлять своим летательным аппаратом? Аркадий включил ручной передатчик и услышал приказ командира «Гермеса»:

– Пусть Асмодей с Ланной сядут в шар. Страхую охран-ным полем. Скорей, скорей!

– В шар сяду я с Ронной! – крикнул подоспевший Бах и

подтащил Ронну к одному из шаров.

Ронна, протянув длинные руки, ощупью, как слепой, цеплялся за раскрытый зев шара, но не мог впихнуть свое тело. Сильным толчком Бах вбросил дилона внутрь и впрыгнул сам. Асмодей проворно влез в авиетку, положил Ланну на скамейку. Аркадий вскочил следом и мигом задраил дверь. Голос Кнудсена прокричал:

– Ко мне!.. – и прервался, не договорив.

То, что совершилось в следующую минуту – Аркадий это сразу понял должно навеки остаться страшной картиной в его памяти. Приникнув к окну, почти не дыша от негодования, он все же не мог оторвать глаз от того, что совершалось на поляне.

Оба шара – и пустой, и тот, в каком укрылись Бах с дилоном – вдруг затряслись, завибрировали, зазвенели живыми голосами и покатались от авиетки. Отдалившись на десятков метров, пустой шар заметался в траве и стал распадаться на части. В воздухе не было ветра, ни одна травинка не шевелилась, а шар разбрызгивало, как взрывом. Не прошло и десятка секунд, как по земле катились, подергиваясь, лишь осколки летательного аппарата.

Второй шар взлетел, но на первых же метрах полета распад наступил и его. Из шара выпал Ронна, его подбрасывало и катало по траве, он судорожно хватался обеими руками за стебли и камни, но не мог удержаться: какая-то мощная сила крутила и несла его.

Шар, в котором оставался Бах, беззвучно распадался в воздухе. Аркадий судорожно хватал рычаги, нажимал на кнопки – надо было немедленно взлететь и мчаться за гибнущим шаром, чтобы выхватить Баха, пока тот еще боролся за свою жизнь в разваливающемся аппарате. Но авиетка не слушалась команд: трижды, четырежды, десятки раз давил Аркадий на кнопку взлета, а взлета не было, и остатки шара медленно уносились от авиетки.

Шар повернулся в воздухе, и Аркадий снова увидел Баха. Археолог распластался всем телом по боковине шара, руки вцепились в какие-то обнажившиеся тяги и провода, ноги впились в неровности бывшего пола. Человека трясло вместе с шаром, бросало то вверх, то вниз, то вправо, то влево, а он не отрывался от тех обломков, за которые так отчаянно цеплялся. Остатки шара пропали между деревьями, а затем в чаще синего леса вспыхнуло багровое пламя и донесся грохот. Еще спустя мгновение пламя погасло, а крутящиеся остатки двух шаров, словно гонимые бурей, все уносило и уносило в безветренном воздухе, не способном пошевелить и травинки. И вдалеке от авиетки, на самом краю поляны, смутно чернело уже неподвижное тело Рина Ронны, да в древесной чащобе расплывалось светлое облачко – дымное свидетельство взрыва.

До Аркадия наконец дошло, что кто-то рвет его руки, судорожно заоченевшие на пульте.

Аркадий услышал молящий голос Асмодея:

– Аркадий! Пусти к пульту! Мы гибнем!

Часть вторая

В фокусе хронобоя

1

Аркадий снял руки с пульта. Асмодей быстро заменил его у кнопок управления. Только теперь Аркадий понял, что таинственная вибрация, разметавшая оба шара дилонов, уже терзает и авиетку, но защитный щит с «Гермеса» амортизирует налетающее волнами чужое поле. Асмодей крикнул, что одна волна отражена, вторая нейтрализуется, но охранный щит «Гермеса» слабеет. Усевшись вместо Аркадия у пульта, киборг ввел полную мощность собственной защиты авиетки – беснование внешних полей немного притихло, однако в кабине все содрогалось и звенело. С трудом передвигая трясущиеся ноги, Аркадий подобрался к Ланне. Дилон лежал на скамье, жалко приоткрыв зубастый рот. Ни одной осмысленной передачи от него не шло. Аркадий сказал Асмодею:

– У парня памороки отшибло. Я постараюсь привести его в чувство, а ты налаживай четкую связь с «Гермесом». Анатолий почему-то закричал: «Ко мне!..» Миша Бах погиб, с ним и с Ронной так подло расправились! Неужели и на «Гермес» напали?

Асмодей хмуро ответил, не поворачивая головы:

– Связи с хронолетом нет. Ни четкой, ни нечеткой.

– Как нет связи? Разве может отказать связь, если действует силовая защита «Гермеса»?

– И силовой защиты «Гермеса» больше нет. Мы противоборствуем нападению одним своим полем.

Аркадий схватился за ручной передатчик. Рука подрагивала. Передатчик казался целым, а связи не было. На экранчике не появилось даже размытого изображения корабля. Ни при каких вариантах аварии, кроме больших повреждений корабельных генераторов, не могло произойти столь полное отключение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.